

Игра Огнем

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Играя с огнем
Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67162663

Играя с огнем: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-165325-5

Аннотация

Парень с надломленной душой на пути к саморазрушению.

Девушка со шрамом, не знающая, как жить дальше.

История любви, сотканная из секретов.

Грейс Шоу и Уэст Сент-Клер – полные противоположности.

Она – странная девушка из фудтрака. Он – таинственный участник подпольных боев.

Она – невидимка для всего мира. Он – любимый всеми хулиган, рассекающий по городу на мотоцикле.

Когда Уэст врывается в тихую, размеренную жизнь Грейс, она пытается понять, кто он для нее – счастье или трагедия. Но чем сильнее она отталкивает его, тем больше он притягивает ее к себе. Грейс не знает, к чему все это приведет, но, кажется, она влюбляется в самого горячего парня в университете Шеридана.

А когда ты играешь с огнем, ты обязательно обожжешься...

Содержание

Л. Дж. Шэн	4
Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	40
Глава 3	53
Глава 4	66
Глава 5	90
Глава 6	121
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Л. Дж. Шэн

Играя с огнем

© Конова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Челе и Лулу

*«Никогда не поздно стать тем,
кем ты мог бы быть»*

Джордж Элиот

Плейлист:

My Chemical Romance – Helena

Bikini Kill – Rebel Girl

Blondie – Atomic

Sufjan Stevens – Mystery of Love

Rag'n'Bone Man – Human

Healy – Reckless

Powfu – Death Bed

Пролог

Грейс

Кольцо в форме пламени, принадлежавшее моей покойной маме, – единственное, что сохранилось после пожара.

На вид оно напоминало дешевку. Такое можно вытащить из пластмассового яйца, если засунуть доллар в автомат из торгового центра. По словам бабушки Савви, мама всегда хотела отдать кольцо мне.

Она рассказывала, что огонь – символ красоты, ярости, возрождения. Досадно, что для меня он стал всего лишь символом краха.

Перед сном бабуля рассказывала сказки о фениксах, возрождающихся из собственного пепла. Она говорила, что этого мама и хотела – возвыситься над реалиями и одержать верх.

Моя мама хотела умереть и начать жизнь заново.

Из двух ее желаний сбылось только одно. Что до меня? Исполнились оба.

17 ноября, 2015 год

Грейс шестнадцать лет

Очнувшись на больничной койке, я сразу же попросила медсестру помочь мне снова надеть кольцо. Я поднесла его к губам и прошептала пожелание, как учила меня бабушка.

Я не стала загадывать быстрой выплаты страховой суммы и не пожелала, чтобы в мире исчезла нищета.

А попросила лишь вернуть мне красоту.

Вскоре я отключилась, вымотанная самим фактом своего существования. Во сне мне удалось уловить обрывки фраз посетителей, хлынувших в палату.

«...самая красивая девочка в Шеридане. Изящный носик. Шикарные губы. Голубоглазая блондинка. Так жалко, Хизер».

«А могла бы стать моделью».

«Бедняжка даже не подозревает, что ее ждет, когда проснется».

«Ее спокойной жизни пришел конец».

Я медленно выходила из медикаментозного сна, не зная, что ждет меня в реальной жизни. Словно плыла по перебитому стеклу. Малейшее движение причиняло боль. Я лежала с закрытыми глазами, слыша, как приходили и уходили посетители: одноклассники, лучшая подруга Карли и мой парень Такер. Они перешептывались, охали и гладили меня по руке.

Еще не придя полностью в сознание, я слышала, как они плачут, вскрикивают и что-то неуверенно бормочут.

Моя прежняя жизнь, состоящая из школьных постановок, тренировок в группе поддержки и украдкой сорванных под трибунами поцелуев с Такером, казалась теперь недостижимой, неправдоподобной. Развеялись чары сладостно-беспощадного заклинания, которое на меня наложили.

Я не хотела сталкиваться с реальностью, поэтому, даже когда очнулась, не стала открывать глаза. Держалась до самой последней минуты.

До тех пор, пока в палату не зашел Такер и не просунул между моих безвольно лежащих пальцев письмо.

– Прости, – хрипло прошептал он. Я впервые слышала в его голосе неуверенность и усталость. – Я больше не могу и не знаю, когда ты очнешься. Это нечестно по отношению ко мне. Я слишком молод для... – Такер затих, и стул под ним закрипел по полу, когда он резко вскочил на ноги. – Просто прости, ладно?

Я хотела попросить его замолчать.

Признаться, что пришла в себя.

И жива. Ну, вроде того.

Что специально тянула время, так как не хотела знакомиться со своим новым обликом.

Но все-таки продолжала лежать с закрытыми глазами, слыша, как он уходит.

Через несколько минут после того, как щелкнула закрывшаяся за ним дверь, я открыла глаза и дала волю слезам.

На следующий день, после того как Такер порвал со мной, написав письмо, я решила встретиться с неизбежным.

Медсестра прокралась ко мне в палату как мышка, проворно и торопливо двигаясь при этом. Она глазела на меня с любопытством и вместе с тем настороженно, словно я

монстр, прикованный к кроватным поручням. Судя по тому, как быстро она появилась, я предположила, что все ожидали, когда я открою глаза.

– Доброе утро, Грейс. Мы тебя ждали. Выспалась?

Я попыталась кивнуть и тут же пожалела о своем слишком энергичном жесте. Голова закружилась. Такая горячая, она напоминала воздушный шарик. Все мое лицо было обмотано бинтами. Я заметила это сразу же, как пришла в себя. В бинтах проделали небольшие дырочки для ноздрей, глаз и рта. Наверное, я смахивала на мумию.

– Что ж, приму этот легкий кивок за согласие! Кстати, проголодалась? Мы с радостью вытащим у тебя трубку и накормим. Могу отправить кого-нибудь за нормальной едой. По-моему, у нас есть говяжьи котлетки с рисом и банановый кекс. Хочешь, милая?

Твердо вознамерившись возродиться из собственного пепла, я собралась со всеми мыслимыми и немыслимыми силами и ответила:

– Было бы чудесно, мэм.

– Будет исполнено. А еще у меня хорошие новости. Сегодня тот самый день. Доктор Шефилд наконец снимет бинты! – медсестра старалась говорить с восторгом, но получалось наигранно.

Я рассеянно крутила кольцо на большом пальце. Мне совсем не улыбалось увидеть себя другой. Тем не менее время пришло. Я была в сознании, в здравом уме, теперь нужно

нести ответственность.

Медсестра заполнила карту и ушла. Через час пришли доктор Шефилд и бабуля. Своим видом бабушка привела меня в ужас. Она осунулась, покрылась морщинами и выглядела невыспавшейся, хоть и надела свое воскресное платье. Я знала, что после пожара она жила в отеле и вовсю воевала со страховой компанией. Меня злило, что ей приходилось со всем справляться в одиночку. Обычно, когда требовалось что-то уладить, в дело вступала я.

Бабуля взяла меня за руку и прижала ее к груди. Я ощутила, как неистово бьется ее сердце.

– Что бы ни случилось, – она стерла слезы дрожащими морщинистыми пальцами, – я с тобой. Слышишь, Грейси-Мэй?

Ее пальцы замерли на моем кольце.

– Ты снова надела его. – Она удивленно посмотрела на меня.

Я кивнула.

Боялась, что если открою рот, то зареву.

– Почему?

– Возрождение, – прямо ответила я. Я не умерла, как мама, но мне необходимо возродиться из пепла.

Доктор Шефилд прочистил горло и встал между нами.

– Готовы? – виновато улыбнулся он.

Я показала ему два больших пальца.

За начало моей оставшейся жизни...

Он медленно снял бинты. Методично. Я чувствовала его дыхание на своем лице: от врача пахло беконом, мятой и этим больничным стерильным запахом резиновых перчаток и антисептиков. Он не показывал своих чувств, но сомневалась, что они вообще у него были. Для него я просто еще одна пациентка.

Он не стал предлагать слова поддержки, когда перед глазами закружились длинные ленты кремового цвета. Вместе с тканью доктор Шефилд лишал меня надежд и грез. Я чувствовала, как слабеет мое дыхание с каждым поворотом его руки.

Я попыталась сдержать слезы и перевела взгляд на бабушку в поисках утешения. Вздернув подбородок и застыв как истукан, она стояла рядом и держала меня за руку.

В выражении ее лица я искала подсказки.

Когда бинты свалились кучей на пол, бабушку перекосило от ужаса, боли и жалости. А к моменту, когда стало полностью видно мое лицо, она выглядела так, словно хотела съежиться и провалиться сквозь землю. Я желала поступить точно так же. Глаза защипало от слез. Я инстинктивно подавила их, убеждая себя, что все это неважно. Красота – проходящая подруга; она всегда меркнет со временем и не возвращается, когда действительно нужна.

– Скажи что-нибудь, – произнесла я грудным, низким и невыносимо хриплым голосом. – Пожалуйста, бабуль. Скажи.

Я с рождения пользовалась благами, которые давала мне хорошенькая внешность. Все в школе Шеридан крутилось вокруг Грейс Шоу. Когда мы с бабушкой приезжали в Остин, нас останавливали модельные агенты. Я была самой выдающейся актрисой в школьных постановках и членом команды поддержки. Само собой, очевидно, если не сказать – ожидаемо, что величие моей красоты открывало передо мной множество дверей. С густыми и золотистыми, как тосканское солнце, волосами, вздернутым носиком и соблазнительными губами я знала, что моя внешность – верный способ вырваться из этого города.

«Ее мать и цента не стоила, но, к счастью, Грейс унаследовала ее красоту, – однажды услышала я в продуктовом магазине слова миссис Филлипс, адресованные миссис Контрас. – Остается лишь надеяться, что жизнь у нее сложится лучше, чем у этой мелкой потаскушки».

Бабуля отвела взгляд в сторону. Неужели все настолько плохо? Теперь бинты были полностью сняты. Доктор Шефилд запрокинул голову, разглядывая мое лицо.

– Начнем с того, что вам, мисс Шоу, очень повезло. Две недели назад вы пережили такое... что многие люди просто не вынесли бы. Я на самом деле потрясен, что вы еще с нами. *Две недели? Я провалялась в койке четырнадцать дней?*

Я тупо уставилась на него, не понимая, куда он смотрит.

– Пораженные ткани еще не зажили. Учтите, что как только кожа заживет, раны перестанут вас беспокоить. И есть ве-

роятность, что в будущем можно подумать о пластической операции, так что не унывайте. А теперь хотите взглянуть на свое лицо?

Я слабо кивнула. Мне следовало покончить с этим. Увидеть то, с чем придется жить.

Он встал и отошел в другой конец палаты, где достал из шкафа небольшое зеркало. Бабушка тем временем рухнула мне на грудь, и все ее худенькое тело затряслось от рыданий. Липкая рука бабули сжала меня как тиски.

– Что мне делать, Грейси-Мэй? Боже мой.

Впервые в жизни меня поглотила ярость. Это моя трагедия, моя жизнь. Мое лицо. Это меня нужно утешать. Не ее.

С каждым шагом доктора Шефилда мое сердце опускалось все ниже и ниже. Когда он подошел к койке, оно валялось где-то возле моих ног и глухо стучало.

Он протянул мне зеркало.

Я поднесла его к лицу, зажмурилась, сосчитала до трех и распахнула глаза.

И не охнула.

Не заплакала.

Даже не пикнула. Я просто уставилась на человека в отражении, на незнакомку, с которой, честно говоря, наверняка никогда не подружусь, и глядела, как посмеялась надо мной судьба. Вот вам мерзкая неудобная правда: моя мать умерла от передоза, когда мне было три года.

Она не возродилась, как мечтала. Она так и не восстала

из собственного пепла.

И, смотря на свое новое лицо, я с уверенностью могла сказать, что меня ждет то же самое.

Уэст

17 ноября, 2015 год

Уэсту шестнадцать лет

Прекрасная возможность покончить с собой подвернулась на темной дороге.

Стояла непроглядная темень. Дорога покрылась тонкой коркой льда. Я возвращался от тети Кэрри, посасывая зеленый леденец. Каждую неделю тетя Кэрри передавала моим родителям еду, продукты и молитвы. Противно признавать, но даже с помощью ее праведных молитв оба моих родителя не могли вытащить себя из постели.

Вдоль извилистой дороги, тянущейся к нашей ферме, росли сосны, поднимавшиеся по очень крутому холму, из-за которого мотор начал рычать.

Я знал, что все будет выглядеть как настоящий несчаст-

ный случай.

Другое даже в голову не придет.

Всего лишь ужасное совпадение, схожее с другой трагедией, поразившей семейство Сент-Клеров.

Заголовки завтрашней утренней газеты так и стояли у меня перед глазами.

Мальчик семнадцати лет сбивает оленя на Уиллоу-роуд. Умирает на месте.

Тут же, посреди дороги, стоял тот самый олень и лениво смотрел на мою машину, которая приближалась к нему с возрастающей скоростью.

Я не включил фары. Не стал нажимать на тормоза.

Олень продолжал наблюдать, как я жму на газ, сдавливая руль с такой силой, что белеют пальцы.

Машина так быстро неслась по льду, что ее мотнуло в сторону и стало заносить. У меня больше не получалось управлять ею. Колеса двигались сами по себе.

Давай, давай, давай!

Я зажмурился и, стиснув зубы, позволил этому случиться.

Машина затарахтела и начала замедляться, хотя я вдавливал педаль в пол со всех сил. Я резко открыл глаза.

Нет.

Машина сбавляла ход, двигаясь медленнее с каждым метром.

Нет, нет, нет, нет, нет.

Пикап полностью остановился, замерев в метре от оленя.

Тупое животное наконец-то решило моргнуть и неторопливо ушло с дороги, мягко цокая по льду копытами.

Чертов тупой олень.

Чертова тупая тачка.

Чертов тупица, я мог бы прямо с утеса выброситься из пикапа, пока еще был шанс.

На несколько минут воцарилась тишина. Только я, покойный пикап и мое колотящееся в груди сердце, а потом из горла вырвался крик:

– *Че-е-ерт!*

Я стал колотить по рулю. Один раз, второй... третий, пока с костяшек пальцев не полилась кровь. Упершись ногой в консоль, я вырвал руль, бросив его на пассажирское сиденье и растирая руками лицо.

В груди все горело, а кровь пропитала сиденья, пока я рвал и метал в пикапе. Вырвав радио, я выкинул его в окно. Разбил ногой лобовое стекло. Сломал бардачок. Я крушил пикап, что не удалось сделать оленю.

И все же до сих пор был жив.

Мое сердце еще билось.

Зазвонил телефон, издеваясь надо мной жизнерадостной мелодией.

Он звонил снова и снова и, мать его, снова.

Я резко вытащил его из кармана и посмотрел, кто звонит. Это чудо? Небесное провидение? Нежданный спаситель, которому на самом деле насрать? Кто это?

Спам.

Ну конечно.

Всем плевать, даже если утверждают обратное. Я забросил телефон подальше в лес, потом вышел из машины и пошел пешком пятнадцать километров до родительской фермы.

Искренне надеясь, что натолкнусь на медведя, который завершит начатое.

Глава 1

Грейс

Наши дни

– Лучшее изобретение девяностых: длинная челка против слэп-браслетов¹. Пять секунд тебе на размышления. *Пять.*

Карли потягивала безалкогольную маргариту с замороженным соком и тарасилась в свой телефон. От удушающей

¹ Браслет, который надевается «автоматически».

жары и влажности на потолке кафе-фургона появились мокрые пятна. Моя розовая толстовка промокла от пота. Сейчас был период свойственной для Техаса жаркой погоды, хотя до лета оставалось еще несколько месяцев.

Толстый слой косметики у меня на лице стекал на кроссовки FILA оранжевыми полосами. Хорошо, что мы закрылись пять минут назад. Я терпеть не могла выходить из дома, не измазав заранее лицо минимум двумя густыми слоями тональника.

Я намеревалась встать под холодный душ, съесть что-нибудь горячее и включить кондиционер на максимум.

— *Четыре*, — отсчитала на заднем плане Карли, пока я черкала объявление о найме, нагнувшись к окошку на случай, если вдруг забредут поздние покупатели.

Карли официально сократила количество смен, чему миссис Контрерас, ее мама и хозяйка кафе-фургона, не очень-то обрадовалась. Я же, понятное дело, грустила, что теперь буду работать с ней реже. Карли стала моей лучшей подругой еще с тех времен, когда мы ползали в подгузниках во дворах друг у друга. Где-то в гостинной миссис Контрерас даже стояла наша совместная фотография, на которой мы обе сидели на одинаковых фиолетовых горшках и улыбались в камеру так, словно только что раскрыли величайшие тайны вселенной.

Я волновалась, что человеку, который заменит Карли (я звала ее Карл) не придется по душе мой язвительный харак-

тер и мрачный жизненный настрой. Но вместе с тем прекрасно понимала, почему подруге пришлось урезать рабочие часы. Нагрузка по учебе у Карл была просто бешеная. И это даже без дополнительных практик, за которые она уцепилась, чтобы украсить свое резюме трудовым стажем в журналистике.

– *Три*. Есть только *один* правильный ответ, и наша дружба уже под угрозой, Шоу.

Я зубами нацепила на маркер колпачок и, высунувшись из окошка, прилепила вывеску сбоку.

«Фургон с тако» набирает ПЕРСОНАЛ!

Нужны работники.

Четыре раза в неделю.

Включая выходные.

Оплата – 16 долларов за час, плюс чаевые.

Если вы заинтересовались, пожалуйста, поговорите с менеджером.

Я открыла было рот, чтобы ответить Карли, и в ту же секунду подняла глаза. Тело застыло, похолодев от ужаса и настороженности.

Вот же черт.

К фургону неторопливо приближалась толпа важных шишек университета Шеридан. В общей сложности восемь человек. Весь отстой не в том, что я училась с ними в одном колледже. Нет, я привыкла обслуживать своих однокурсников.

Сыпью я покрылась от того, кем они были в университете. Эти ребята – старшекурсники высшего сорта. Сливки популярного общества.

Среди них находился Истон Браун, квотербек команды нашего колледжа, сексуальнее самого Аида. Он проводил пальцами по своим пшеничным волосам замедленным движением, как в рекламе шампуня против перхоти. Этот парень выглядел до омерзения идеальным. Как те парни из «Пинтереста» с точеным телом и толстыми, как хот-доги, веками.

Рейн де Ла Саль, полузащитник с мягкими кудрями цвета смолы и пухлыми губами. Член братства Сигма Эпсилон, который, по некоторым сведениям, спал со всем, что шевелится, – и то необязательно при условии, если он как следует накидался.

Завершал их тройку Уэст Сент-Клер, парень совсем другого пошиба, чем Браун и де Ла Саль. Легенда нашего колледжа. Он принадлежал к своей собственной лиге.

Уэст не спортсмен, но, безусловно, имел самую дурную славу из всех троих парней. Печально известный своей вспыльчивостью хулиган, который безоговорочно занимал лидирующую позицию в местных подпольных боях. Грубый, бестактный и откровенно безразличный к людям, которые не входили в его тесный круг доверенных лиц.

Даже я, которая теперь не особо интересовалась городскими сплетнями, знала, что *никто* в здравом уме не будет свя-

зываются с Сент-Клером.

Ни его сверстники.

Ни горожане.

Ни преподаватели, ни друзья.

Ко всему прочему, в списке банальных качеств, присущих богу секса, напротив имени Уэста Сент-Клера стояли все галочки.

Его темные волосы всегда были в беспорядке, а изумрудные глаза сияли опасным блеском, который предвещал, что жизнь навсегда изменится после поездки на его мотоцикле. Рост в метр девяносто пять, тело с крепкими мускулами и золотистой кожей. Широкоплечий, несправедливо великолепный спортсмен с густыми, яркими бровями и ресницами, за которые убило бы большинство старлеток, и с узкими губами, сжатыми в устрашающей и грозной гримасе. Он носил джинсы «Дизель», линялые и вывернутые наизнанку футболки, пыльные ботинки «Бландстоун», а с краешка его губ всегда, как сигарета, свисал леденец со вкусом зеленого яблока.

За ним укрепились слава как самой лакомой добычи в нашем колледже. Только никому не удавалось его поймать, и дело не в том, что охотниц не хватало.

Девушки в их компании тоже были мне знакомы. С одной из них мы вроде даже сдружились – с Тесс, красавицей с волосами цвета воронова крыла и с округлостями, коих больше, чем у бочки со змеями. Тесс училась на факультете те-

атрального искусства, как и я.

– *Два!* Я бы хотела получить ответ сейчас, Шоу. – Карли помахала перед моим лицом воображаемым микрофоном, но я, впад в какой-то ступор, потеряла дар речи.

– *Один.* Правильный ответ – длинные челки, Грейс. Длинные. Челки. Я серьезно, алло. Как у Кейт Мосс в девяносто восьмом. Икона стиля.

Они все шли к кафе-фургону из «Шеридан Плаза», заброшенного торгового центра напротив. Этот так называемый торговый центр являл собой строение из голого бетона, которое кучка воротил начали строить лет пять назад, но вдруг поняли, что оно не принесет им дохода. В то время все уже делали покупки по интернету, тем более студенты. Рядом планировали открыть два нефтеперерабатывающих завода, но их передислоцировали в Азию, поэтому массовая миграция в Шеридан, на которую они рассчитывали, так и не произошла.

Поэтому сейчас посреди города располагалась уродская постройка.

Вот только на деле здание не пустовало. Студенты устраивали там пьянки и использовали его в качестве арены для подпольных боев и бесплатного места для случайного секса.

Эти ребята, наверное, возвращались с боя.

Тесс засмеялась, перекинув волосы на одно плечо, и запрыгнула на спину Рейна, обхватив его за плечи руками.

– Мармеладные мишки? В коктейле? Это же бред.

– Это оргазм, – с ходу отбил Истон, засунув руку в задний карман экстремально коротких шорт незнакомой мне блондинки. – Поверить не могу, что еще ни разу сюда не дошел.

– Местные молятся на это место. Даже Брэдли, приверженец классики тако, сюда ходит, – подхватила еще одна девушка.

Я опустила подбородок и поднесла кольцо на большом пальце к губам, прошептала молитву.

Ненавижу, когда люди смотрят мне прямо в лицо.

Особенно мои ровесники.

Особенно люди вроде Истона Брауна, Рейна де Ла Саль и Уэста Сент-Клера.

Особенно если я знала, что они, скорее всего,отреагируют двумя способами: либо выразят отвращение по поводу моего чудовищного шрама, скрытого под макияжем, либо еще хуже... начнут жалеть.

Хотя мне наверняка светит и то и другое.

Я натянула кепку пониже. Их голоса стали громче. В воздухе грохотали хриплый смех и пронзительные женские визги. Волоски на шее встали дыбом.

– Е-мое, – икнул Рейн, удерживая Тесс на своей спине. – Пока не забыл. Когда подойдем к фургону, гляньте на цыпочку, которая примет у вас заказ. Гейл или Джилл, не помню. У нее вся левая сторона лица изуродована. Сизая как виноград. Кожа напоминает старые добрые рисовые шарики. Только полностью разглядеть не удастся, потому что она до

хрена мажется, но шрамов реально куча. Вроде бы местные называют ее Греночкой.

Рейн сказал это не для того, чтобы я услышала. Он явно перепил. Но это неважно. По горлу стала подниматься желчь, и во рту появился кислый привкус. Мне снова предстояло пережить минуту «снятия бинтов», а я была не готова.

Тесс дала ему подзатыльник.

– Ее зовут Грейс, болван, и она классная девчонка.

Истон внимательно посмотрел на Рейна.

– Реально? Ты сдурел, осел?

– Но он прав, – понизила голос Тесс, забыв, что из-за открытого пространства возникает эхо. – Мы учимся на одном факультете, поэтому я постоянно с ней вижусь. Это печально, потому что на первый взгляд она *очень* симпатичная. Представьте, каково это – иметь почти все. Она даже не может участвовать в постановках, потому что ужасно стыдится своего лица.

Тесс говорила про то, как я на первом курсе пришла на прослушивание и разревелась перед режиссером, когда он попросил меня прочесть слова моей роли. Это было прилюдно, очень позорно, и весь семестр только об этом инциденте и говорили.

– Оу. – Блондинка рядом с Истоном приложила ладошку к груди. – Это так грустно, Тесси. У меня аж мурашки по коже побежали.

– Интересно, что с ней случилось, – прошептала вторая

девушка.

– Наземное управление для майора Шоу?² Ты со мной? – Карли высунула голову из-за моего плеча, чтобы посмотреть, из-за чего я превратилась в соляной столп.

Ребята остановились перед нами. Я прикинулась спокойной, приняв скучающий вид, вот только мое сердце так яростно билось, что, казалось, вот-вот проломит кости, разбив свою клетку пополам.

Я ущипнула под окном Карли за руку, подавая сигнал, что *они слишком опоздали*, и молясь, чтобы она разрешила их отослать.

Карли шлепнула себя по губам ладошкой, словно к ней зашел целый клан Кардашьян.

– Детка, мы их обслужим. У нас много продуктов осталось, а ты знаешь, что мама Контрерас не шутит, когда дело касается остатков еды. К тому же, – подруга ущипнула меня в ответ, – это же *они*!

Мы жили в небольшом студенческом городке, где все друг друга знали, а нашу футбольную команду первого дивизиона боготворили как святыню. Истона Брауна и Рейна де Ла Саль причислили к лику святых, а Уэста Сент-Клер считали богом. Мы не могли им отказать, даже если бы они заявили в три ночи и заплатили бы человеческими волосами.

– Приветики, Грейс! – Тесс спрыгнула со спины Рейна и

² Отсылка к песне Дэвида Боуи Space Oddity, в которой поется о вымышленном астронавте по имени майор Том, затерявшемся в открытом космосе.

стала отстукивать пальцами по сине-зеленому фургону, изучая меню, висящее под окошком.

– Привет, Тесс. Веселый вечерок?

– Офигенно, спасибо. Рейн говорит, вы делаете маргариту с мармеладными мишками. Это правда?

Сколько покупателей были разочарованы, узнав, что мы называем наши коктейли маргаритой, но без текилы.

– Конечно. Но безалкогольную.

– Другого мы от тебя и не ждали, – невозмутимо заявил Рейн и снова икнул.

Девчонки покатались со смеху. Ради того, чтобы сохранить работу и уберечь свою задницу от тюрьмы, я проигнорировала его выпад.

Тесс дернула его за руку.

– Не обращай на него внимания. Можно нам десять коктейлей с собой? И двадцать тако, *por favor*³. – Она в очередной раз взмахнула блестящими волосами. – О, привет, Чарли.

Карли помахала из-за моей спины Тесс, не удосужившись ее поправить. Я жутко не хотела стоять у окошка, но на этом настояли миссис Контрерас и Карли. Они хотели, чтобы я вылезла из своей скорлупы, вышла в мир и все такое.

– В мягкой или хрустящей лепешке? – спросила я.

– Пополам и так, и так.

– Я быстро.

³ Пожалуйста (*исп.*).

Достав и надев пару черных резиновых перчаток, я принялась за работу. Сначала стала делать тако в хрустящей лепешке. С ними сложнее. Они постоянно ломаются, поэтому хотелось побыстрее с этим покончить. Бабуля всегда говорила, что люди похожи на тако: чем они тверже, тем легче их сломать. Если ты мягкий человек, то лучше приспособливаешься, быстрее адаптируешься.

«Мягкий человек больше выдержит. А если ты выдержи- ваешь больше, то миру тебя не сломить».

Запихивая в крошечные отверстия тако нарезанный салат, сливочный сыр и приготовленный миссис Контрерас гуакамоле, я чувствовала на своем лице взгляды покупателей. Карли переворачивала рыбу на гриле и оживленно пританцовывала.

Краем глаза я заметила, как Рейн пихнул локтем одну девушку и показал кивком на меня.

– Пс-с-с. Домашнее насилие?

– Поджог, – предположила девушка, пытаюсь понять, откуда у меня шрам.

– Неудачная пластическая операция, – кашлянула в кулак третья девица. Они дружно заржали.

Шее вдруг стало нестерпимо жарко.

Еще пять минут – и свобода. Ты пережила физиотерапию, несколько операций и реабилитацию. Выдержишь и этих придурков.

Стоило подумать, что хуже уже быть не может, как Уэст

Сент-Клер решил лично поглядеть, из-за чего поднялась такая шумиха. Он подошел ближе к фургону и уставился на левую половину моего лица, впервые заметив мое существование за два года, что мы учились в одном колледже, хотя у нас даже были три общие лекции. Я проглотила ком подступившей к горлу тошноты размером с бейсбольный мяч.

Я закончила с тако в хрустящей лепешке и принялась за мягкие. Уэст сделал еще шаг вперед, не удосужившись скрыть свой неприкрытый интерес к моему шраму. Под его взглядом я почувствовала себя обнаженной и беззащитной и почти выдохнула с облегчением, когда он оторвал взгляд от моей щеки и посмотрел на объявление о найме. Я собралась с духом и мельком глянула на парня. Если Уэст сегодня и дрался, то по его внешнему виду это было незаметно. Он казался расслабленным и спокойным. Почти умиротворенным.

– Работу ищешь? – фыркнул Рейн.

– Серьезно, Рейн, захлопнись, – гаркнул Истон, который, наверное, был самым приятным парнем из их тройки.

Уэст сорвал с фургона листок, скомкал его в кулаке и засунул в задний карман джинсов.

– Что за дикарь, – цыкнул Рейн, хмыкнув, попятился назад и запрокинул голову.

– Чего так грубо, Уэст? – в голосе Тесс слышались те же суровые нотки, с которыми она обращалась к Рейну. – Зачем ты это сделал?

Уэст проигнорировал их обоих и повернулся, посмотрев

прямо на меня. Он перекатывал во рту леденец, как зубочистку, и смотрел взглядом, в котором так и читалась провокация.

Ну, и как ты теперь поступишь, Греничка?

Я за максимально быстрое время разлила маргариту и пробила Тесс чек. Рейн, Истон и другие девушки прошли на другой конец парковки, где принялись уплетать еду. Уэст стоял рядом с Тесс и по-прежнему пялился на мой шрам.

Я приготовилась услышать очередное издевательство, спрятавшись в свою скорлупу, как за хрустящий тако.

– Знаешь, я все хотела спросить, – вкрадчивым тоном произнесла Тесс, взяла Уэста за запястье и перевернула, полностью оголив внутреннюю поверхность бицепса. – Что означает твоя татуировка? В честь кого эта «О»?

Я не удержалась и быстро глянула на его руку, чтобы понять, о чем она говорит. Это была обычная татуировка с буквой «О». Без особого шрифта или эскиза. Просто одна буква стандартным Times New Roman.

– Наверное, *осел*, – буркнула я себе под нос.

Оба тут же перевели взгляды на меня.

Господи. Я сказала это вслух. Идиотка, которую сейчас прикончат. О чем я только думала?

Думала, что он осел. Потому что он такой и есть.

– Грейс, – Тесс хлопнула себя по губам, – как не стыдно.

Уэст выплюнул леденец на землю и посмотрел на меня косым взглядом, в котором читалась злость. Я почувствовала, как

у меня голова вот-вот взорвется от резко прилившей к ней крови. После долгого молчания он все же вложил в протянутую ладошку Тесс две сотки, повернулся и ушел с кошачьей грацией, оплатив всю еду и напитки. Тесс закатила глаза и протянула мне деньги.

– Извини за объявление. У Уэста малость дурной характер. Я над этим еще работаю.

– Ты же ни при чем.

Я стянула перчатки и протянула Тесс сдачу. Она взяла меня за руку и охнула. Наш неожиданный контакт вынудил меня поежиться. Я не привыкла, чтобы ко мне прикасались.

– Классное кольцо! Откуда оно у тебя?

– Принадлежало маме. Твоя сдача.

– Оставь себе.

Я недоверчиво выгнула бровь. Нехилые чаевые.

– Уверена?

Тесс кивнула.

– Хрен с ним, вел себя как дурак. Знаешь, у Уэста реально дурная репутация, но, если честно, он добряк. И может быть очень милым, когда захочет.

Меня не убедили ее слова, я по-прежнему считала Уэста одержимым психопатом, но не жаждала развивать эту тему. Мне хотелось уйти с работы, стереть из памяти сегодняшний вечер и смотреть запоем «Друзей», пока моя вера в человечество не восстановится в нужном объеме.

– Ладненько, – голосом робота произнесла я. – Спасибо,

что заскочили в «Фургон с тако».

Тесс бросила напоследок ослепительную улыбку и, развернувшись, побежала к друзьям.

Я проводила ее взглядом. Она срезала путь между золотистыми холмами по краю парковки и подбежала напрямик к своим пользующимся популярностью друзьям. Они чокались стаканчиками, смеялись, болтали и ели. Меня затошнило.

Я могла быть на месте Тесс.

Поправочка: я *и была* Тесс.

Наверное, именно это я и ненавидела в своей жизни больше всего. Когда-то я находилась на месте Тесс. Выставляла напоказ ноги в коротких узких шортах. Тусовалась с такими, как Уэст, Истон и Рейн. Сидела сзади на их мотоциклах, пока они ехали на заднем колесе по побитой грязной дороге на окраину города к водонапорной башне. Объясняла простым смертным, как устроены душа и разум Уэста Сент-Клера, и посвящала их в редкий секрет особой важности.

Я опустила окно, а когда обернулась, Карли завопила, еле сдерживая волнение, и отбила мне пять. Моя лучшая подруга была ростом метр с половиной. Загорелая и с аппетитными формами. С круглым красивым личиком и щеками, усыпанными гроздью веснушек. Когда-то давно, будучи признанной королевой школы, я привела ее в компанию крутых ребят. Но это случилось четыре года назад. Больше я не могла подарить ей что-то подобное.

– Истон Браун и Рейн де Ла Саль. Господи. Хотела бы я стать пастромой между их булочками. – Она стала обмахивать себя руками. – Но Уэст Сент-Клер – чеддер на тако. Думаю, у него сегодня был бой.

– Мне он показался не сильно побитым. – Я выключила гриль и вытащила из шкафчика рядом с холодильником чистящие средства.

– Да потому что он вытирает пол своими соперниками. Хотя слышала, иногда он разрешает им нанести пару ударов только для того, чтобы люди ставили и на кого-то еще. Боже, помоги мне, какие у него глаза! – Карли допила коктейль и выбросила его в мусорное ведро. – Они зеленые как радиоактивный луч. А его скулами можно ковать железо. Нет, ну правда, он может испортить мне жизнь, а я ему только спасибо скажу.

Я хмыкнула и окатила гриль водой. Он тут же зашипел, выплевывая дым мне в лицо.

– Ой да ладно. Рассказывай. Гриль так шипел, что я ничего не слышала. Они обсуждали что-нибудь интересное? Какие-нибудь сплетни? – она подтолкнула меня локтем.

Они обсуждали, какая я уродина.

– Они слишком накачались пивом, чтобы вести связный разговор. Но пришли в дикий восторг от маргариты с соком. – Я принялась оттирать гриль.

– Обалдеть. Как увлекательно, – подруга закатила глаза. – Думаешь, Тесс и Уэст спят вместе?

– Наверняка. Но из них выйдет такая банальная пара. Черт возьми, у них даже имена рифмуются.

– Пара? Мечтать не вредно. Уэста привлекают только свидания на одну ночь. Это всем известно.

Я пожала плечами в ответ. Карли сердито меня пихнула.

– Боже, ты худшая сплетница на свете. Даже не знаю, зачем я спросила. Последний вопрос: с терапевтической точки зрения ты бы предпочла отследить в интернете всех людей из клипа Майкла Джексона Black or White и психануть из-за того, сколько им сейчас лет, или сделать Барби стрижку маллет, как у Джо Экзотика?⁴

– Последнее, – выдавила я с усталой улыбкой, осознав, как мне будет не хватать подруги, как только она найдет себе замену. – Я бы сделала Барби стрижку, одела ее в костюм ковбойши, усадила в розовый кабриолет и выложила в ТикТок видео, как она поет «Куклы Братц съели моего щеночка».

Карли запрокинула голову и расхохоталась. Я глянула в карманное зеркальце, которое лежало на подоконнике, и проверила макияж.

Шрама было почти не видно.

Успокоившись, я выдохнула.

Хрустящий тако пережил еще один день. Треснул, но не сломался.

⁴ Джо Экзотик – коллекционер диких животных.

Домой я пришла в одиннадцать. Бабуля сидела за кухонным столом в своем драном ситцевом домашнем платье, а рядом с ней по радио во всю глотку орал Вилли Нельсон⁵.

Бабуля Савви всегда была экстравагантной женщиной. На каждый Хеллоуин она безумствовала с нарядами и выходила встречать детишек в своих странных костюмах. Рисовала забавные и часто непристойные фигурки на горшках с растениями, стоящих у нее во дворе, танцевала на свадьбах так, словно никто не видит, и плакала над рекламой Суперкубка.

Бабушка всегда была чудаковатой, но недавно ее сознание стало путаться.

Настолько, что я боялась оставлять ее одну дольше, чем на десять минут. Именно такой зазор по времени случался между тем, когда сиделка Марла уходила, а я подъезжала к дому.

Мне было три года, когда моя мама, Кортни Шоу, умерла от передозировки. Она лежала на скамейке в центре Шеридана. Ее тело обнаружил школьник. Он пытался потыкать ее веткой. Когда она не очнулась, мальчишка испугался и поднял крик, чем привлек внимание половины школьников в городе и их родителей.

⁵ Вилли Нельсон – американский композитор и певец, исполнитель стиля кантри.

Пошла молва, снимки разлетелись по всему городу, и семейство Шоу официально стали в Шеридане изгоями. К тому моменту бабушка уже стала мне единственным родителем. Кортни постоянно сбегала с каким-нибудь торчком. Полагаю, один из них являлся моим отцом, но я с ним ни разу не встречалась.

Бабушка никогда не спрашивала, кто мой отец. Она, наверное, опасалась открывать эту банку с червями и сражаться за опеку бог знает с кем. Шансы, что мой отец – достойный трудяга или слушатель воскресной мессы, были невелики.

Бабуля растила меня как родную дочь. Так что справедливо, что теперь, когда она не могла о себе позаботиться, я осталась в городе и присматривала за ней. К тому же из Голливуда не сыпались звонки с предложениями о работе, и я не упускала возможности устроить себе шикарную карьеру.

Рейн де Ла Саль говорил гадкие вещи, но был прав. С моим-то лицом я могла урвать лишь роли чудовищ.

Я вошла на кухню и чмокнула бабулю в белые, напоминающие сахарную вату волосы. Она схватила меня за руку и притянула в объятия. Я радостно выдохнула.

– Привет, бабуль.

– Грейси-Мэй, я испекла пирог.

Она оперлась о стол и со стоном поднялась на ноги. Бабушка вспомнила мое имя. В любом случае это хороший знак, и, скорее всего, именно по этой причине Марла оставила ее одну до моего возвращения.

Наш дом представлял собой свалку из древностей семидесятых годов и вмещал все самые уродские предметы интерьера: кухонную стойку из зеленого кафеля, обшивку деревянными панелями, сплошной ротанг и электронику, которая весила примерно столько же, сколько и семейная машина.

Даже после того, как мы восстановили пострадавшие от пожара обломки в стиле ранчо, бабушка пошла в благотворительный магазин Армии спасения и купила самую старую, самую плохо сочетающуюся между собой мебель, какую только смогла найти. У нее будто развилась аллергия на хороший вкус. Но если такое устраивает человек, которого ты любишь, то учишься находить в них свою прелесть.

– Да я не голодная, – соврала я.

– Это новый рецепт. Я нашла его в одном из журналов у кабинета стоматолога. Марла простыла, упаси Господь ее душу. Даже не смогла попробовать эту ерунду, а так хотела!

Я послушно села за стол, и бабушка подвинула тарелку с куском вишневого пирога и вилку, похлопав меня по руке.

– Давай, не стесняйся, Кортни. Не в присутствии мамы. Ешь.

Кортни.

Да, радость моя длилась недолго. Бабуля частенько называла меня Кортни. Когда это случилось впервые, я повела ее на обследование, чтобы понять, что стало причиной забывчивости. Врач сказал, что это не болезнь Альцгеймера, но

порекомендовал прийти на повторный осмотр, если в следующем году ситуация усугубится.

Это было два года назад. С тех пор бабушка не соглашалась идти к врачу.

Я запихнула в рот кусок вишневого пирога. Стоило ему коснуться задней стенки глотки, как меня чуть не вывернуло, а в голове прозвучало: *отмена задания*.

Она снова это сделала.

Перепутала сахар с солью. Вишню со сливой. И кто знает... возможно, муку заменила крысиным ядом.

– Правда, вкусно, как сливочная подливка? – бабушка наклонилась вперед и положила подбородок на пальцы. Я кивнула и потянулась за стоящим возле тарелки стаканом воды, выпив ее залпом. Бросила взгляд на телефон, лежащий на столе. На экране высветилось сообщение.

Марла: *Честно предупреждаю, пирог твоей бабули сегодня особенно не удался.*

У меня заслезились глаза.

– Я знала, что тебе понравится. Вишневый пирог ты любишь больше всего.

Неправда. Его любила Кортни, но у меня не хватило духу ее поправить.

Я проглотила каждый кусочек, не разжевывая, все до последней крошки, борясь с тошнотой. Потом сыграла с бабулей в шахматы, отвечая попутно на вопросы о связанных с Кортни людях, которых не знала. Уложила бабушку в по-

стель и поцеловала ее на ночь. Я собиралась встать, как она взяла меня за руку, ее глаза блеснули в темноте, как светлячки.

– Кортни, мое милое дитя.

Единственный человек, от которого я видела любовь, считал меня совершенно другим человеком.

Глава 2

Грейс

Следующим утром я приехала к трейлеру пораньше, чтобы подготовиться к открытию. По субботам в Шеридане работал фермерский рынок, а это сулило больше конкуренции, больше кафе-фургонов, больше непосредственного взаимодействия между людьми, а потому и больше боевой раскраски. По субботам я накладывала столько макияжа, что могла

бы составить серьезную конкуренцию клоунам.

Зато сегодня хотя бы не день родео. С тех пор, как один покупатель сравнил мое лицо с лошадиной мордой и объяснил, что его племенной жеребец уделает меня по части красоты, я отказывалась выходить на смену, когда проходило родео.

Карли опаздывала, что не удивляло. Я не знала более сосредоточенного и работающего человека, чем моя подруга, но она могла проспать все на свете, включая мировую войну. Я не возражала против ее моментов слабости, хотя, наверное, стоило бы. Семейство Контрерас хорошо мне платили, согласились на гибкий график, а Карли за эти четыре года доказала, что лучше ее подруги не найти.

Я помыла и разделала рыбу, нарезала овощи, заморозила маргариту и повесила на фургон заново написанное объявление о найме. В четверть девятого заявила моя лучшая подруга. На ней были огромные розовые наушники и майка с изображением Барта Симпсона.

– Hola⁶. Все хорошо? – она щелкнула мне в лицо арбузной жвачкой и сняла наушники. В них продолжала орать песня Bikini Kill Rebel Girl, пока она не свернула музыкальное приложение. Я пихнула ей в руки щипцы.

– Проснулась с ощущением, что сегодня произойдет что-то плохое.

Я не врала. Проснувшись, я заметила, что кольцо с пла-

⁶ Привет (*исп.*).

менем на моем большом пальце в конечном счете подпортилось, и половина огня отломалась, оставив лишь ободок и часть пламени.

На улице было градусов сорок пять – так жарко, что удалось бы пожарить яйца прямо на асфальте. А в фургоне, наверное, и того хлеще – градусов на десять жарче. День сегодня казался каким-то иным. Знаменательным, что ли. Словно мое будущее висело на волоске и вот-вот свалилось бы мне на голову.

– Сегодня будет хороший день. – Карли скинула на пол рюкзак и пощелкала перед моим лицом щипцами. – Хороший, но напряженный. Там уже очередь собралась, так что тащи свою попку к окну, Джульетта.

– Если Ромео ест рыбные тако в девять утра, я лучше останусь одна, – засмеялась я, снова чувствуя себя собой, а не той жалкой девчонкой, какой заставил меня почувствовать себя Уэст Сент-Клер вчера вечером.

Миссис Контрерас настаивала, чтобы мы подавали рыбные тако только по ее особому рецепту. Никаких смешанных мексикано-американских блюд. Мы делали тако одного вида, но они считались лучшими.

– О, в таком ракурсе Шекспир не писал. Ромео умер не от яда, а от дыхания Джульетты, которая переела рыбных тако.

– А кинжал Джульетты? – Я весело глянула на Карли. Она сделала вид, будто втыкает себе в живот щипцы, и схватила себя за шею, словно задыхается.

– Щипцы тоже могут быть смертоносными.

Я с улыбкой открыла окошко, твердо вознамерившись за-
быть вчерашний вечер.

– Доброе утро и добро пожаловать в «Фургон с тако»! Чем
могу по...

Последнее слово застряло в горле, когда я увидела знако-
мое лицо. За ним выстроилась очередь.

Уэст Сент-Клер.

Улыбка у меня тут же погасла.

Зачем он вернулся?

– Это из-за чаевых, которые оставила Тесс? Потому что
можешь их забрать. Купишь себе немного хороших манер.

В животе заныло – я сегодня совсем не контролировала
то, что вылетало у меня изо рта.

Почему я так настойчиво нарывалась на прилюдное убий-
ство? Я подсознательно настроена на самоубийство? В лю-
бом случае я не жалела о своих словах. Сомневаюсь, что Уэс-
ту нужны тако или культурная беседа. Я понимала, что ру-
гаться с парнем вроде него – дурная затея, но вчера он ка-
зался таким злым и равнодушным, что смолчать не смогла.

Судя по его виду, Уэст не спал всю ночь. На нем были
те же джинсы и линялая футболка, а под его пристальным
незаинтересованным взглядом я тут же почувствовала себя
мусором. Его глаза налились кровью.

Уэст молча вручил мне скомканный лист. Я тут же его
узнала. Лицо помрачнело, когда я развернула бумагу – это

было объявление, которое он вчера сорвал с фургона.

– Уже новое написала, – резко сказала я и бросила листок в мусорное ведро. – Чем еще могу помочь?

– Позови менеджера, – отрезал он.

Его требование застало меня врасплох. Во-первых, потому что Уэст вообще заговорил. До этого я не слышала, как он разговаривает. Голос Уэста был под стать его внешности. Низкий, прокуренный и порочный. Во-вторых, я пребывала в шоке, что он заговорил *со мной*. Но больше всего меня удивило, что у него хватило наглости раздавать мне приказы.

– Что-что, я не расслышала? – Я приподняла бровь. Настоящую правую бровь. Левой больше не существовало. Впрочем, я ее нарисовала, а поскольку всегда носила серую кепку, то люди даже не замечали разницы. Покупатели за ним начали терять терпение, качали головой и постукивали ногой по земле. Но, разумеется, никто из них ничего не скажет Уэсту Сент-Клеру. Боже упаси, чтобы кто-нибудь сделал ему выговор.

– Менеджера. Это тот человек, что отвечает за фургон. Медленно соображаешь?

– Нет, мне противно.

– Ну, тогда шевелись, и я быстрее свалю. Позови управляющего.

Он испепелял меня взглядом. Вблизи его глаза оказались не совсем зелеными. Причудливое сочетание серо-зеленого и голубого цветов, окруженное темно-зеленым ободком.

Вчера он и его друзья изрядно повеселились, гадая, что случилось с моим лицом. Уэст изучал меня, словно я была цирковым уродцем. Я чувствовала себя загнанным в клетку трехголовым чудищем, отчаянно желающим погнуть решетку, броситься вперед и разорвать его на клочки своими когтистыми лапами.

Вернувшись в реальность, я разгладила липкую нейлоновую пленку, накрывающую гуакамоле в лотке с топингами.

– Уж извини за прямоту, но вероятность того, что ты желаешь работать в этом фургоне, примерно такая же, как мои надежды присоединиться к труппе Большого театра. Так что либо заказывай, либо двигай отсюда. Покупатели заждались.

– Менеджера. Сейчас же, – проигнорировав меня, повторил он.

Я ощутила, как от бессилия даже чаще задышала. Я слышала, что Уэст напористый, но узнав это на собственной шкуре, почувствовала, будто кто-то засунул мое сердце в блендер и заставил меня смотреть, как оно измельчается в пюре.

Сзади вынырнула Карли. Она удивленно взвизгнула, заметив Уэста.

– Господи. То есть привет. Уэст, да?

Вот хитрюга. Карли узнала бы его и в костюме краба, талисмана нашего университета.

Он глазел на нее и даже не подумывал подтвердить свою

личность. Карли высунула руку из окошка. Уэст сделал вид, что не заметил.

Хмыкнув, она убрала руку.

– Я Карли. Мы вместе учимся. Я тут менеджер. Точнее, ее дочь. Чем могу помочь?

– Мне нужна работа.

– Серьезно?

– Как сердечный приступ.

И так же смертельно. Прогони его, Карл!

– Фантастика! Ты нанят, – на одном дыхании прошептала подруга.

У меня вырвался истеричный писклявый смешок. Карли и Уэст повернулись ко мне, словно я сошла с ума. Погодите-ка... они всерьез? Я попеременно смотрела на них обоих, ощущая, как ползет по спине холодок. Стоящая за Уэстом пожилая женщина громко откашлялась и помахала мне. Можно подумать, это я виновата в этом простое!

– Ты же шутишь? – обратилась я к Карли.

Она скривилась.

– Нам ведь *очень* нужен еще один сотрудник...

Уэст заглянул мне за спину, сосредоточившись теперь на моей лучшей подруге.

– Давай обсудим наедине.

– Заскакивай в фургон.

На следующие нескольких минут время словно замедлилось. Карли и Уэст метнулись в глубь фургона, а я осталась у

окна и обслуживала покупателей. Через десять минут Карли вышла, сняла объявление и упорхнула обратно.

– Поздравляю! У тебя новый коллега, – пропела она, переместившись обратно к грилю, и перевернула кусок рыбы, который обуглился еще десять минут назад.

Я пропустила ее слова мимо ушей, переворачивая рыбу как можно быстрее и мысленно убеждая себя, что моя жизнь продолжается и Уэст Сент-Клер не собирается меня убить, заключив изощренное пари.

– Шоу, ты меня слышала? – Белая рыба, которую переворачивала Карли, продолжала крошиться на мелкие кусочки. Мне было жарко, я вспотела, жутко злилась и испытывала гадкое, горькое негодование. Я почти поверила, что если бы порезала себя ножом, которым собиралась проткнуть пакет с тертым чеддером, то из моих вен хлынула бы черная жижа.

– Четко и ясно. Просто подумала, ты дашь мне высказать свое мнение, учитывая, что это мне работать с человеком, которым ты решила себя заменить.

– Дослушай. Он самый известный красавчик в колледже. На него слетится туча клиентов. Я не могу отказать, но знала, что ты начнешь ломаться.

– Вот именно. – Я наклонилась и с неестественной улыбкой отдала покупателю его сгоревший рыбный тако. Закончив школу, я была не уверена, стоит ли поступать в колледж. Интуиция велела спрятаться от мира, укрыться в тени и жить в одиночестве. Но я быстро поняла, что выбора у меня не так

уж много. Пришлось выйти в люди, чтобы заработать денег. Поскольку я и так стеснялась показывать людям свое лицо, то подумала, что колледж может оказать пользу, пусть даже и жестокую, и помочь получить приличную работу.

– Ему нужна работа? – Я была на взводе. – Спорю, ему до безумия нужны деньги, раз уж не обналичивает их в «Плазе».

Я знала, что Уэст Сент-Клер срывает куш на этих боях. Поговаривали, что в прошлом году он заработал восемьдесят тысяч, просто продавая билеты, устраивая ставки и заламывая цены на разбавленное пиво.

– Я спросила его об этом. Он сказал, что ему нужен дополнительный доход.

– Скорее ему нужны дополнительные манеры, – парировала я.

– Почему? Он плохо с тобой обращался? – Карли свела брови.

Я пришла в ярость от одного упоминания о прошлом вчере и отвела глаза, тут же сменив тему.

– И вообще, ты сказала, что я буду ломаться. Ты про что?

– Да брось! – Она вскинула руки, словно мы обе знали ответ на этот вопрос.

– Да брось, *что*?

– Реально? Ладно, я рискну и скажу. Но обещай не злиться.

– Не буду я злиться.

Я и так в бешенстве.

– Ну, дело в том, что ты, Шоу, обладаешь свойством бо-
яться людей. А потом выносишь о них суждение, основывая-
сь на том, какими они тебе *покажутся*.

– А вот и неправда!

– Вот опять. Взгляни на себя. Ты бесишься, потому что я
взяла на работу человека, которого ты даже не знаешь, толь-
ко потому что у него сложилась определенная репутация.
Знаешь что? У всех нас есть репутация. Прости, Грейс, но
это правда. Я – мозговитая всезнайка, которая одержима де-
вяностыми, а ты – эмо со шрамом. Мы все распределены по
классам. Стандартизированы по нашим недостаткам и сла-
бостям. Добро пожаловать в жизнь. Она дрянь, но в конце
ты умрешь.

Боясь, что ляпну что-нибудь, о чем впоследствии пожа-
лею, я захлопнула рот. Карли перестала месить уже без того
мертвую рыбу, повернулась и обхватила меня за плечи, за-
ставив повернуться к ней лицом. Подруга начала мять мне
мышцы поверх розовой толстовки.

– Взгляни на меня, Шоу. Ты слушаешь?

Я что-то проворчала в ответ.

– Может, он милый.

– Да он, скорее, засранец.

Я понимала, что позволяю неуверенности взять надо мной
верх, но, судя по его внешности, репутации и социальному
статусу, Уэст Сент-Клер – это идеальная кандидатура, чтобы

разрушить мою жизнь.

– Если он будет и после первой смены вести себя как засранец, скажи мне, и я его вышвырну. Без вопросов. Ни одного не задам. – Карли заставила пожать ей руку, заключая со мной одностороннюю сделку. – Даю тебе слово. Понимаю, ты считаешь, что я веду себя как фанатка при встрече со знаменитостью, но для меня он просто сокурсник, которому нужна подработка. Я тону в домашке, а стажировка окажется на первом месте по окончании этого года. Мне она нужна. Теперь ты перестанешь дуться?

К несчастью, слова Карли имели смысл. Уэст, по сути, меня не обижал. Даже, наоборот, дал офигенные чаевые и не пришел с требованиями вернуть их обратно.

– Ладно.

Подруга расплылась в улыбке и повернула меня обратно к очереди, которая ждала свою еду.

– Вот и умница. А теперь быстро скажи мне, видишь ли Уэста на парковке. Я попросила его начать сегодня и посмотреть, как я управляюсь с грилем, но он сказал, что у него планы. Он еще здесь?

Скрепя сердце, я уступила подруге и вытянула шею. И сразу же его заметила, поскольку он был на голову выше остальных людей. Уэст прислонился к своему красному монстру Ducati M900 2016 года, нацепив солнцезащитные очки.

Я даже со спины узнала девушку, которая стояла рядом с ним. Волосы цвета воронова крыла, длиннющие загорелые

ноги и те же узкие шорты, которые не оставляли места воображению. Тесс. Она воодушевленно болтала с ним, мотала волосами и постоянно хихикала. Наверное, они провели ночь вместе. Уэст никак не реагировал на ее слова. Он повернулся, резким движением надел ей на голову шлем, застегнул на подбородке и запрыгнул на мотоцикл. Она села за ним и обвила руками его торс.

Уэст взял ее за руку и положил на свой пах.

– Ага. Готовится умчаться в закат вместе с Тесс Дэвис или в ближайшую клинику по лечению венерических болезней. – Я случайно раздавила хрустящую лепешку тако, когда парочка пронеслась по парковке и скрылась в облаке пыли.

Карли скорчила гримасу.

– Ей всегда удастся подцепить лучшего самца. Интересно, кто у Уэста следующая?

Надеюсь, его рука. Еще не хватало, чтобы по планете бегали маленькие Уэсты.

Оставшиеся пять часов я слушала разглагольствования Карли о вкусе Уэста в женщинах, обслуживала покупателей и заикнулась на катастрофе, которая случилась в моей жизни.

Уходя домой, я открыла двери и увидела на ступеньках пару балетных туфель. Нахмурившись, подняла их. Они были примерно моего размера, совершенно новыми, но без коробки. К ним прикрепили записку, написанную небрежным почерком.

Лучше начни с практики.

– Какого?..

Я тут же вспомнила сказанные утром слова.

«Вероятность того, что ты возжелаешь работать в этом фургоне, примерно такая же, как мои надежды присоединиться к труппе Большого театра».

Уэст Сент-Клер шутки шутит.

К сожалению, у меня возникло подозрение, что я стану одним из его любимых объектов для издевательств.

Глава 3

Уэст

Бз-з-з.

Бз-з-з.

Бз-з-з-з-з-з.

Мой телефон затрепыхался на тумбе, свалился на пол и задергался по кругу, как опрокинувшийся на спину жук.

Я наклонился и, подняв его, провел пальцем по экрану,

чтобы выключить будильник. Барабанные перепонки чуть не лопнули от глухого вскрика.

– Милый? Это ты? Ларри! Иди сюда! Он ответил.

Да чтоб меня.

Я вырубился в хлам на целых десять часов, поэтому не сразу понял, что монотонная мелодия, поставленная на будильник, является еще и рингтоном.

На долю секунды я задумался, а не бросить ли трубку, но потом решил, что вчера уже перевыполнил норму ублюдского поведения, сожрав заранее приготовленное Истом спортивное питание. Прикусив до крови кулак, я прижал телефон к уху.

Что ж, начнем утро с Ничего и его долбаного кузена Отчаяния.

– Мама.

– Привет! Здравствуй! – лихорадочно воскликнула мама. – Уэсти, поверить не могу, что ты ответил.

Ты не одна такая, черт возьми.

– Как дела? – я перекатился на бок и уселся на краю кровати. Стоящие на тумбе часы показывали два часа дня. А еще обозначили, что я вконец долбаный придурок, который опять проспал. На горизонте уже маячил выпускной, и я понимал, что вот-вот закончу университет и получу совершенно бесполезный диплом, но неплохо было бы хотя бы прикинуться, что мне не плевать.

– Ничего, родной! Все хорошо. Вполне нормально. Мы хо-

тели тебя провести. Узнать, как у тебя дела. Истон рассказывал нам, что у вас нового, но хотелось услышать твой голос.

– Это он? – шмыгнул на заднем фоне папа. Я услышал шарканье. Что-то упало со стола. Родители сошли с ума от волнения. Меня накрыло чувством вины и его верным приятелем – угрызениями совести. – Дай-ка мне трубку. Уэсти? Ты слышишь?

– Привет, пап.

– Рад слышать твой голос, сынок.

Я надел стоящие у кровати ботинки и потащился в ванную. Отлил и почистил зубы, пока папа рассказывал историю о парне, который пообещал помочь ему удобрить землю, но еще не вернулся из Вайоминга, и из-за этого отец потерял еще один контракт. Я понял подтекст: пока им не отключили электричество, нужно выслать еще денег.

Острое чувство вины, которое я испытал секундой ранее, притупилось.

– Полагаю, банкиры от этого не в восторге. – Я сплюнул мятную пасту и воду в раковину и умыл лицо, даже не глянув в зеркало. Не мог смотреть на свое отражение несколько лет, так с чего начинать сейчас?

– О, ну... да, ситуация выглядит не лучшим образом, знаю, но...

Я не дал ему закончить.

– В конце дня отправлю деньги. Скоро позвоню. Пока.

Отец принялся что-то говорить, но я уже повесил трубку, схватил ключи, запрыгнул на байк и поехал в колледж. Через восемь минут, в половине третьего, я вошел в Лоуренс-холл на лекцию по спортивному менеджменту.

Снова опоздав, но никого этим не удивив.

К счастью, профессор Аддамс (пишется с двумя буквами «д», что оправдывает его сиськи с той же чашкой) отвлекся, пытаясь разобраться с магическим предметом под названием айпад. Он опустил голову и яростно тыкал в экран жирными пальцами, пытаясь вывести презентацию на белый фон у себя за спиной. Я проскочил назад и уселся между Рейном и Истом. Наконец на экране появились слайды, и Аддамс с радостью закричал.

– Че как, – Рейн стукнулся со мной кулаками. Он лизался с какой-то первой попавшейся девицей. Она наминала ему шею, пока он возился под ее юбкой.

Ист дал мне затрещину.

– Опять опоздал! И спасибо, кстати, что сожрал мою еду.

– Всегда к твоим услугам.

Именно так.

– Только посмей еще раз так сделать.

– Ты же в курсе, что я никогда не отказываюсь от вызова.

У всех были ноутбуки и блокноты. Только не у меня. Я не взял с собой рюкзак. Я заявлялся на лекции совершенно случайно, когда на горизонте уже маячил риск отчисления. Из недр аудитории раздался голос профессора Аддамса.

– Мистер Сент-Клер, вижу, вы решили наконец-то почитать нас своим присутствием.

Я невозмутимо уставился на него, не собираясь ему подыгрывать.

Когда все посмотрели на нашу компанию, девчонке рядом с Рейном хватило ума шлепнуть моего друга по руке, чтобы тот вытащил ее из-под юбки.

Аддамс прислонился толстым животом к столу и поправил на носу очки, недовольно хрюкнув.

– Скажите, мистер Сент-Клер, вы хоть отчасти заинтересованы в получении высшего образования?

Откровенно говоря, нет. Но этот гадюшник находился довольно далеко от Мэна, чтобы отсидеться и спасти свою семью от банкротства.

– Отвечайте словами, – заносчиво приказал Аддамс. – Вы ведь умеете говорить?

Я ухмыльнулся. Меня нелегко выбить из колеи. Бесчувственность по всем фронтам мой конек.

Людам было не дано задеть меня за живое, даже если бы попытались.

А они пытались.

Часто.

– Образование – прекрасный повод свалить из дыры, в которой я жил, а колледж в Шеридане самый доступный за пределами штата. Хотя преподавательский состав вызывает сомнения. – Я откинулся на спинку и скрестил на груди руки.

– Жги! – загоготал кто-то из аудитории.

– Ни хрена себе, – промычал другой студент. – Сент-Клер надирает задницы не только на ринге.

В аудитории раздался смех. Профессор Аддамс приоткрыл рот, а его щеки стали розовыми, как оперение у фламинго. Он приходил в себя еще целую минуту.

– Назовите хоть одну причину, почему я должен спустить эти слова вам с рук.

– Потому что вас перевели сюда из университета Лиги плюща при загадочных обстоятельствах, до которых никому не было дела. И знаете что? – я с пафосом развел руками. – Времени у меня навалом. Вас устраивает выразительность этой фразы, профессор Аддамс?

– Пфф. – Рейн поднял руку и раскрыл ладонь, делая вид, будто уронил микрофон.

– Дикарь, – хохотнул Ист.

– Считаете себя самым умным, Уэст Сент-Клер? – обиженно засопел Аддамс.

– Либо назначайте дисциплинарное взыскание, либо прекращайте тему. Вы только тянете время, – зевнул я.

Качая головой, он отвернулся обратно к своим слайдам.
Идиот.

Через полчаса я вылетел с лекции. Рейн закинул руку на плечи безымянной цыпочки, а Ист не отрывался от телефона – наверное, отбирал девушку на сегодняшний вечер. Я решил сообщить свою грандиозную новость. Время неподхо-

дяде, но лучше сейчас, чем никогда.

– Завтра я начинаю работать в «Фургоне с тако».

В принципе, первый рабочий день – сегодня. Та девчонка, Карли, предложила днем научить меня управляться с грилем.

Сначала друзья никак не отреагировали. Когда я не стал развивать эту тему, потому что все было и так, мать их, ясно, Рейн принялся ржать и похрюкивать.

– Эм, на хрена оно тебе надо?

– Напряг с деньгами.

– Тебе процентов мало с боев? – Он наморщил нос. У Рейна вообще не было проблем с деньгами. Когда он не играл в футбол, то таскался за девчонками. Колледж для Рейна – цепочка вечеринок, игр, случайных переписок, а между делом полные мандража перерывы, что от него залетит какая-нибудь девчонка. Я же занимался оплатой родительских долгов, своей учебы и копил деньги, чтобы после окончания колледжа в этом году не пришлось возвращаться домой.

Безымянная девка охнула:

– В чем смысл? Все говорят, что у тебя денег как грязи.

Я не ответил. То, что она трахается с одним из моих лучших друзей, не делает ее дипломированным бухгалтером.

– Поступай, как считаешь нужным, чувак. Дай знать, если понадобится помощь. – Ист закинул на плечо спортивную сумку, закрывая тему.

– Может, он запал на Греночку, – задумался Рейн. – И

ищет варианты, как подкатить. Не, она, конечно, горячая цыпочка, если надеть ей пакет на голову.

– Девушка с ожогами? – Безымянная девчонка приложила к груди ладошку. – Такая трагедия. Одна моя подруга из сестринства знакома с ней со школы. Слышала, она выступала в группе поддержки и играла в театре. А еще реально была красоткой.

Я не сомневался, что однажды выбью Рейну все зубы. Этот гнусный недоносок постоянно ко всем цеплялся. Лишь бы только повеселить своих тупых подружек. Юмор у него такой же убогий, как и выбор спутниц.

Рейн хихикнул.

– Серьезно, чувак, заткнись. – Истон схватил его за шиворот и развернул так, что тот чуть не врезался в стену.

Мы подошли к двойным дверям и разошлись. У Рейна и Иста начиналась тренировка, а случайная телка ушла – видимо, по своим случайным делам. Я уже собирался на улицу, как вдруг из приоткрытой двери возле выхода услышал крик.

– Пожар! Пожар!

Он доносился из временного театрального зала, где сейчас шли репетиции у факультета театрального искусства, пока им строили новый театр на территории кампуса.

Я ворвался внутрь.

Они репетировали. Уф.

Дверь была приоткрыта и буквально манила меня посмотреть. Да и дел поинтереснее у меня не осталось. Могу потор-

чать тут полчаса до встречи с Карли в кафе-фургоне.

Я прислонился плечом к дверному косяку, скрестив на груди руки. На сцене в ночнушке, из-под которой торчал беременный живот, металась Тесс. Ее волосы были заколоты наверху, она бросилась к другому концу сцены, издавая вопли, которыми можно оглушить и кита.

За ней гонялся одетый в майку придурак из театра, с его поджатого рта свисала сигарета. Он пытался говорить с южным акцентом, но выходило так, словно у него на языке волдыри размером с мои яйца. Я ничего не понимал в театральном искусстве, но мог распознать дерьмовую игру, когда меня в нее тыкали носом. Не в обиду Тесс будет сказано: она недурна в постели, но я скорее куплюсь на стговор, что Гитлер еще жив и живет с Тупаком (к черту логику и математику), чем поверю в их игру.

Я окинул взглядом актовый зал. Здесь сидела и блондинка из фургона. Грир, Гейл или как там ее. *Греночка*. Я узнал ее по затылку. Она сидела на задних рядах. Девушка закинула ноги в белых кроссовках на спинку впереди стоящего кресла. Длинные ноги были обтянуты выцветшими узкими джинсами. Она снова оделась в ту же розовую толстовку и серую кепку, в которых я видел ее у фургона. Длинные золотистые волосы рассыпались по спине и плечам, придавая ей сходство с готическим ангелом.

Рейн был таким же догадливым, как банка тушенки, но он оказался недалек от истины. Грир-Гейл реально сексуальна.

Хотя я уж точно не собирался ее лапать. Но мое нежелание никак не связано с ее лицом. Шрамы меня не напрягали: мое сердце на сто процентов соткано из таких же. Но девчонка обладала высокомерием размером с Миссисипи, а у меня существовали строгие принципы – не трахать стерв.

Я оставил ей балетные туфли в качестве эдакого «пошла ты». Если честно, понятия не имею, что пытался выразить этим поступком. Я чувствовал себя идиотом, пока покупал их, и еще большим придурком, когда оставил на ступеньках фургона. Да черт с ними. Тупо было их там ставить, но кому какое дело? Я же не собирался ее клеить.

Круз Финли, режиссер постановки – еще один студент, считающий, что ношение берета и шарфа в техасскую жару придает ему особо артистичный вид, а не делает его полным дебилом, – попросил актеров начать сцену сначала. Я вошел в аудиторию, чтобы без помех посмотреть на Грир-Гейл – или как ее там. Столько разговоров вертелось вокруг ее шрама, а я его почти и не увидел. Она так его стеснялась, что я уже поверил, что это то еще зрелище.

Я смог увидеть только правую сторону ее лица. Так называемую «нормальную» половину. Ее глаза следили за происходящим на сцене. Она шептала слова вместе с актерами – и реплики Тесс, и того чувака. Жесть какая – они читали по бумаге, а она знала слова наизусть.

И без того понятно, что Грир-Гейл тащилась по актерству, но сомневаюсь, что она изберет его своей профессией. Не

нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что она совсем увязла в своей повести под названием «Я – жертва».

– Я не хочу реализма. Я хочу магию! – повторила Грир-Гейл за третьей актрисой на сцене, и у меня возникло чувство, будто эта фраза больше относится к ней, чем к самой пьесе. Девчонку по-настоящему мучила ее собственная реальность.

Меня так очаровало то, как Грир-Гейл повторила по памяти всю чертову пьесу, что я заметил окончание репетиции только через секунду. За все это время никто даже внимания не обратил на девчонку и не понял, что она здесь, в этом зале.

– Первый прогон закончен, и это просто катастрофа. Завтра. На этом же месте. В то же время. Боже. – Финли вскинул руки и уставился в потолок, словно у Господа нашего всемогущего дел больше не было, как смотреть эту хрень. – Ниспошли мне настоящих актеров.

«Или ниспошли ему по морде», – подумал я.

Ты тоже можешь дать ему по морде, и никто тебя за это не упрекнет, даже его родители.

– Уэст! – воскликнула Тесс и, спрыгнув со сцены, бросилась к дверям. Она на ходу кинула фальшивый живот на кресло. Я стоял в расслабленной, ленивой и невозмутимой позе. Все обратили внимание на меня. Тесс выкрикнула мое имя так, словно я только что вернулся из Ирака. Грир-Гейл повернула голову. Наши глаза встретились, когда Тесс обняла меня, осыпая поцелуями шею и щеки.

Я говорил Тесс, что между нами возможен только одно-разовый секс, и в прошлые выходные мы отгуляли в первый и последний раз. Она сказала, что все поняла, но женщины часто лукавят. Я отлепил ее от себя и мысленно сделал пометку напомнить Тесс, что ей ничего не светит.

Григ-Гейл с невозмутимым лицом наблюдала за нами, но и пялиться не переставала. Ее лицо ничего не выражало. Глаза у девчонки были голубого оттенка, который я видел лишь на психоделических картинах. Светлые и ледяные, как снежинка. Похоже, она смотрела не стесняясь, поскольку не привыкла, что за ней тоже может кто-то наблюдать.

Ну, а я наблюдал.

И заметил, как она, черт подери, пялилась.

Я спросил ее взглядом: «Ты нашла балетные туфли?»

Она молча ответила: «Сдохни, придурок».

Возможно, я перефразировал, но что бы ее взгляд ни выражал, в нем ясно читалась матерная лексика.

Григ-Гейл отвернулась к опустевшей сцене и переставила ноги впереди стоящее кресло. Я уже собирался подойти к ней и узнать, в чем ее, на хрен, проблема, как в кармане завибрировал телефон. Тесс тем временем пыталась утащить меня из аудитории и попутно молола языком о своей роли в постановке.

Я вытащил из заднего кармана телефон.

Мать.

Серьезно? Дважды за день? Я скинул звонок, повернул-

ся и молча бросился к своему байку. До Тесс дошло, что за мной лучше не идти. Я открыл банковское приложение и перевел оставшиеся деньги на счет родителей, а потом поехал на встречу с Карли.

Поживу пару недель на японской лапше. Не в первый и не в последний раз.

Всю дорогу я негодовал из-за родителей, Тесс, Рейна, профессора Аддамса и даже из-за Грир-Гейл-Женевьевы.

И с каждым поворотом мне изъедало душу искушение наклониться вбок, броситься с байка, свернуть с обрыва.

Отчасти я до сих пор хотел умереть.

Прекратить это жалкое существование.

Перестать обеспечивать родителей.

Перестать притворяться, что колледж вообще меня интересует.

Мне очень хорошо удавалось это скрывать.

Даже если это стоило мне всего.

Глава 4

Грейс

– Грейс, дорогая, надо поговорить.

Профессор Макгроу глотнула кофе из кружки с надписью «Еда. Сон. Театр». Сгорбившись и понуро опустив голову, я проскользнула в ее кабинет после первой репетиции, бросила у стола свой рюкзак с фениксом и в ожидании приговора простодушно ей улыбнулась, словно говоря: «Понятия не

имею, зачем вы меня вызвали».

Я прекрасно знала причину.

— Садись-ка. — Она указала на стоящий напротив нее стул. Я села. Профессор Макгроу, стройная рыжеволосая женщина лет пятидесяти, носила платья в стиле пятидесятых и модные очки в горошек. Я восхищалась ею и хотела верить, что тоже ей нравлюсь. Я точно находилась в числе ее самых преданных студентов. Мои теоретические познания были на высоте. Меня всегда радовали дополнительные часы за уборкой после репетиций, я искренне любила театр.

Профессор начала просматривать кипу документов, разбросанных по столу. Она облизнула большой палец, чтобы разделить странички. В ее кабинете висели афиши всех спектаклей за долгие годы существования нашего колледжа. Свою известность он получил благодаря постановкам классических пьес, и на премьеры сюда стекались жители близлежащих городков. Выручка шла в городской совет и на оснащение колледжа.

Сердце кольнуло от зависти, когда я осматривала эти афиши, пока профессор искала что-то для меня у себя на столе.

Призрак оперы.

Чикаго.

Убить пересмешника.

У меня потекли слюнки, когда я посмотрела на снимки артистов, с улыбкой смотрящих на горизонт посреди действия. Они выглядели взволнованными. Сияющими. *Счаст-*

ливыми.

Сквозь удушающее облако зависти пробился голос профессора Макгроу. Она постучала пальцем по листку бумаги.

– Ну вот, я пробежалась по списку актеров в «Трамвай «Желание» и заметила, что отсутствует твое имя. Объяснишь, в чем проблема?

– Ах да, конечно. – Я заерзала на стуле. Актеры с афиш смотрели прямо на меня. Под их осуждающими взглядами вдруг стало жарко. – Лорен досталась роль Бланш, а Тесс – Стеллы. Пока я возила бабушку в Остин на кардиограмму, оставшиеся роли уже разобрали. Я взяла на себя полномочия помощника режиссера и декоратора. Это две роли. – Я показала два пальца, словно профессор не умела считать.

Профессор Макгроу сняла очки для чтения, закрыла глаза и сжала пальцами переносицу.

– Грейс, мы уже это обсуждали. Я больше не могу нарушать ради тебя правила. Каждому студенту нужно выйти на сцену и показать, на что он способен.

– Да, мэм. Но я надеялась...

– Я понимаю твои обстоятельства и несколько лет старалась идти навстречу, но, чтобы получить степень бакалавра в театральном искусстве, необходимо принимать *непосредственное* участие в постановке. Ты ни разу за время учебы не выходила на сцену. Показать свои актерские способности необходимо, и это не обсуждается. Никто не ждет, что ты станешь следующей Мерил Стрип, но тебе нужно себя про-

явить. Не хочу, чтобы ты завалила этот семестр, но боюсь, что так и случится, если ты не найдешь себе настоящую роль в постановке.

– Но роли уже распределены.

– Попроси мистера Финли включить тебя в постановку.

– Тогда кто-то другой потеряет роль, – заспорила я.

– Этому другому не грозит завалить последний семестр в году, – с лету отбила она.

Я понимала, что профессор Макгроу права. Остальные второкурсники на факультете театрального искусства уже блеснули своими актерскими способностями. Кроме меня. В следующем году я перейду на третий курс, но еще ни разу не ступала на сцену. В дни прослушивания я не могла даже перешагнуть за порог. Пыталась, но в итоге меня либо тошнило в туалете, либо я полностью слетала с катушек и пряталась в своем пикапе.

Ситуация ничем не отличалась и с новой постановкой. Я хотела сыграть в ней. Правда, хотела, но не могла найти в себе силы.

И дело не в том, что я плохо играла. До той судьбоносной ночи, которая все изменила, я была звездой любой школьной постановки. Сцена будоражила меня и придавала сил. Но вернуться в театр после случившегося, словно принять свое новое лицо и выставить на обозрение целого мира. Я еще не готова. И вряд ли когда-то буду. Но это не имеет значения. Я больше не хотела становиться актрисой. Эта мечта

выкинута в помойку вместе с частью моего лица в ту ночь, когда меня привезли в больницу. Я мечтала работать в театре, но предпочла бы занятие, которое позволит мне держаться в тени.

Режиссер, продюсер, декоратор. Черт, я буду рада работать даже в лавке с закусками, если так мне удастся каждый день находиться рядом со сценой.

– Профессор Макгроу, прошу вас. – Я судорожно вдохнула воздуха, но его все равно не хватало. – Дело не только в моем лице. У меня есть и другие проблемы.

Последнее время бабуля стала совсем плоха, но я не хотела прикрываться ее состоянием как отговоркой, почему отказалась от роли в постановке. Я приглядывала за бабушкой, и забот о ее здоровье накопилось столько, что не удавалось сосредоточиться на учебе.

– Например? – профессор Макгроу наклонилась вперед и скрестила пальцы в замок.

– Это... личное.

– У всех есть личное. – Она улыбнулась. – Ты хочешь получить очередную отсрочку для практики, и мне нужно знать причину.

Я не могла заставить себя рассказать ей про бабушку. О том, что она стала чрезмерно подозрительной, забывчивой, что нуждается в постоянном уходе. Признавшись, что у бабушки проблемы, мне придется слушать непрошенный совет, а я не хочу упекать бабулю в дом престарелых. К тому же мне

кажется неправильным выставлять женщину, которая меня вырастила, обузой.

Я покачала головой и запихнула сжатые в кулак руки в карманы толстовки.

– Неважно. Зря я это сказала. Извините. – Я встала, и стул с громким скрипом проехался по полу, отчего меня передернуло. – Профессор Макгроу, я понимаю, что вы можете отчислить меня в этом семестре. Само собой, я с уважением отнесусь к вашему решению, хоть и надеюсь, что вы дадите мне отсрочку, и я смогу принять участие в постановке на третьем курсе. Вы мне сообщите свое решение?

Она уставилась на меня, в ее взгляде читалась жалость. Я видела, что преподаватель разочарована во мне. Что этим разговором она хотела встряхнуть меня и заставить действовать.

– Сообщу. Неужели все настолько плохо? – шепотом произнесла она.

Вы даже не подозреваете.

Закрыв глаза, я покачала головой. Потом закинула на плечо рюкзак и повернулась к выходу.

– О, и еще, Грейс!

Стоя спиной к профессору Макгроу, я замерла.

– Каким бы сложным ни казался путь, просто знай, что тебе всегда есть на кого положиться, когда станет совсем тяжело. Потому что такой человек обязательно найдется. И это не твоя бабушка. Это будет не кровный родственник, а тот,

кого ты выберешь сама. Тот, кто ради тебя пройдет сквозь огонь и воду.

Я горько усмехнулась, потому что знала лишь одного человека, который на такое пойдет.

И этим человеком была я.

Уэст пришел к фургону на пять минут раньше.

Меня удивило, что он вообще пришел. До сих пор думала, что это какая-то тупая шутка.

Я отказывалась признавать, что договоренность в силе. Что у него нет скрытых мотивов.

Стоя к нему ближе, чем в пятницу, когда было совсем темно, я заметила, что Уэсту тоже досталось. Его лицо украшала рассеченная губа, синяк из фиолетового почти стал зеленым, а вдоль шеи тянулся жуткий порез. А сам Уэст словно не спал несколько лет. Я чуть не рассмеялась от того, насколько мы разные.

Все на свете бы отдала, чтобы вернуть свое безупречное лицо, а он каждую неделю дрался и ездил на мотоцикле, бросая вызов судьбе, которая могла лишить его привлекательности.

Поскольку из-за бабушки и профессора Макгроу я была как на иголках, то времени психовать по поводу сегодняшней вечерней смены с Сент-Клером попросту не нашлось. Я даже забыла о тех дурацких балетных туфлях. Стоило Уэсту заявиться в фургон, я закатала правый рукав толстовки до локтя и кивнула на стопку коробок на улице, а сама продолжила нарезать тонкими полосками стручковый перец.

– Ты не мог бы занести их в фургон и распаковать? – спросила я, даже не удосужившись на него посмотреть.

Не став высказываться по поводу моих дурных манер и следовать моральным принципам, представившись как положено, Уэст поднял сложенные друг на друга тяжелые коробки так, словно они были заполнены воздухом, а не двадцатью двумя килограммами гуакамоле, лимонов и рыбы. Он разложил продукты в стоящем под окном холодильнике.

Мы молча подготавливали еду под мои четкие инструкции.

После того как закончили с приготовлениями, Уэст включил гриль и стал жарить рыбу и перец так, будто занимался этим всю жизнь. Он двигался расслабленно и лениво, как пантера. Несмотря на свой рост, в этом небольшом фургончике Уэст чувствовал себя как рыба в воде. Я же старалась быть невидимкой и забилась в свой уголок. Вдруг меня озаарило, что я с шестнадцати лет не оказывалась наедине, в замкнутом пространстве, с привлекательным парнем. На самом деле мне не хватало приятной, щекотливой атмосферы,

какая царила сейчас.

Судя по приготовлению еды, Уэст вроде как не собирался провести меня через девять кругов ада по Данте, а если и собирался, то получалось у него довольно паршиво.

Мы открылись и стали обслуживать подходящих покупателей – в основном старшеклассников и студентов, которые возвращались с занятий и тренировок, а еще парочку работающих мамочек, решивших не готовить ужин. Мы ни словом не перемолвились, разве что я обращалась к Уэсту с какой-то просьбой, а он спрашивал, где лежат нужные ингредиенты. Мы оба говорили самым холодным и недружелюбным тоном.

Уэст работал не покладая рук и не ныл. Я, хоть и скучала по Карли и ее игре в «то или это» по девятиности, поняла, что работать с новым напарником более-менее терпимо.

– Можно ли умереть от пота? – процедил Уэст через несколько часов полного молчания. Он приподнял край футболки и вытер ею лоб. Я подпрыгнула от звука его голоса так, словно он меня ударил. Я настолько привыкла одеваться в свою безразмерную толстовку при такой погоде, что уже не обращала внимания на температуру.

– Можно. – Я задумалась над его вопросом. – На ум приходит обезвоживание.

– И кондиционера тут нет? – Уэст перевернул несколько рыбешек на гриле. Рыба в его руках не крошилась и поджаривалась до идеальной золотистой корочки.

Я покачала головой.

– Допотопный кондиционер, который уже был в фургоне, сломался, а ремонт стоит несколько тысяч. Миссис Контрерас говорит, что оно того не стоит, потому что окно всегда открыто, и прохлада все равно уходит на улицу. Она решила, что лучше будет больше нам платить.

– Ну, а я бы просто предпочел не умереть от жары. Лучше пусть урежет заработок.

Он серьезно? Сент-Клер тут всего полминуты, а уже пытается внести изменения?

– В Техасе есть поговорка, Сент-Клер. Никогда не упускай возможность заткнуться. Предлагаю тебе сейчас ею воспользоваться.

– Спасибо за подсказку. Обязательно выброшу ее в мусор, когда тут закончу. А ты вообще одета *в толстовку*. – Впервые за всю смену Уэст повернулся ко мне лицом. – Ты чокнутая?

– Мне не жарко.

– Колючка и вдобавок лгунья. Полный набор, да?

Он всегда сыплет только одними оскорблениями? У меня возникло чувство, что если я спрошу, то Уэст из принципа скажет что-нибудь возмутительное.

– Ладно. Хорошо. Мне немного жарко, но я ношу толстовки уже много лет, и на моей работе это нисколько не отразилось. Я же не виновата, что в этом сильна, – фыркнула я.

– Я тоже кое в чем силен. – Уэст изогнул бровь и засунул в

рот непонятно откуда взявшийся яблочный леденец, а потом ухмыльнулся. – Только этот навык нельзя заносить в резюме.

Он протянул мне еще одну палочку из заднего кармана. Я покачала головой, которая, кстати, готова была уже взорваться от его сексуальных намеков.

Уэст специально бесил меня, потешался над Греночкой и вел себя так, словно у нее был шанс. *Поболтай с жертвой пожара о жаре... это будет забавно.* Я практически слышала, как они с де Ла Саль замыслили совместную аферу, как два суперзлодея в отполированном космическом корабле, наглаживающих двух похожих как две капли воды черных котов.

– Привыкай к жаре. Будет еще хуже. В июне мы прикладываем к лицу хладагент. Июль и август – это постоянная головная боль от жары и навязчивые мысли о самоубийстве. Предлагаю тебе к летним каникулам свалить отсюда на хрен.

– Жаль тебя разочаровывать, но я застряну тут до конца лета. Лучше запасись льдом и найди телефон доверия для суицидников.

Он говорил деловым тоном – сухо и жестко. Но мне показалось, что ему не хочется меня придушить, что радовало. Наверное.

– Какая досада.

– Не для меня. – Уэст перекатывал во рту леденец на палочке и вытирал тряпкой свое рабочее место. Я заметила, что он держал его в безупречной чистоте. – Дома хреново.

– А где твой дом? – Я отхлебнула коктейль.

– Мэн.

– Почему не уедешь?

– В жопе мира не так уж много рабочих мест.

– Только не говори, что твой город реально так называется.

– Хотел бы я. – Бросив тряпку на стойку, Уэст поскреб костяшками пальцев подбородок. – Так в нем было бы хоть что-то хорошее.

Я снова отвернулась, чувствуя себя погано, потому что, когда Уэст спросил про работу в фургоне, предположила, что заработка от боев ему вполне хватает. Кто я такая, чтобы судить о его финансовом положении? Я ухватила за его репутацию состоятельного придурка, хотя сама жутко злилась, когда люди судили обо мне по сплетням.

У нас наступило затишье. Усыпляющий промежуток между обедом и перекусом после тусовки в братстве. Миссис Контрерас придерживалась принципов, разрешающих пользоваться телефонами только в экстренных случаях. Поэтому игнорировать друг друга стало сложно, учитывая, что развлекать себя могли только мы сами.

Через несколько минут Уэст снова заговорил:

– Не возражаешь, если я сниму футболку?

– Э-э-э, что? – Я резко развернулась и уставилась на него.

– Я сейчас растаю к чертям собачьим. Вряд ли от меня будет много пользы.

– Эм... – мои глаза заматались по фургону. – Не уверена, что стриптиз тебе сильно поможет. Начнем с того, что это очень негигиенично.

– Я не собираюсь держать щипцы сосками, – усмехнувшись, сказал Уэст. – Разве что так чаевых больше заработаем. В таком случае я готов попробовать.

От изумления у меня вырвался истерический смешок. Я не хотела видеть его соски или любую другую часть тела. На самом деле я не хотела даже думать, что под одеждой скрывается много загорелого мускулистого тела. И без того плохо, что Уэст всю смену щеголял своей безупречностью.

– Я про волосы у тебя на груди.

Перестань говорить про его грудь! Да лучше вообще заткнись, Грейс.

– А у меня их и нет, – ответил он, изображая техасский акцент, что я сочла бы за оскорбление, не изобрази Уэст его так точно. Он приподнял край выцветшей футболки и показал свои коричневые соски. Его тело было гладким, загорелым и без единого волоска. Кубики на животе напомнили рекламу нижнего белья от Армани. Мне захотелось провести указательным пальцем по его прессу, что для меня совсем не свойственно, да и вообще нелепо.

Я не западаю на парней.

Во всяком случае, больше нет.

– Твой окончательный вердикт? – Уэст опустил футболку и стал ждать ответа.

Я ощутила, что краснею. Не хочу выглядеть занудой или ханжой.

– Нет.

– Позволь я внесу поправку: я вел себя вежливо. Я снимаю чертову футболку и, если честно, тебе стоит поступить так же.

Через секунду футболки на Уэсте уже не было, и я увидела, что к кубикам на животе прилагались четко очерченные грудные мышцы, вены на поясе Аполлона и спина, из-за которой захотелось выйти за него замуж. Он повернулся к грилю и продолжил работу. На пояснице я заметила блеклый сине-желтый рубец.

– Глядите-ка, Дева Мария еще жива. – Он ухмыльнулся, застучав меня за подглядыванием.

Я прокашлялась и отвернулась.

Уэст прошел мимо, между делом похлопав меня по плечу.

– Не волнуйся, милая. Чтобы залететь от меня, нам нужно хотя бы держаться за руки. Тебе ничто не угрожает.

Уэст Сент-Клер дотронулся до меня. *По своей воле.*

У меня вдруг перехватило дыхание, от естественности его поведения я на долю секунды почувствовала себя прежней. Нет, меня не травили за шрам. Не ради галочки.

Отчасти люди реагировали гораздо хуже. Девушки относились ко мне с фальшивым, неискренним интересом в стиле «без претензий, но ты лучше к нам не подходи». Вдруг выяснилось, что я им больше не конкурентка. Парни наот-

рез отказывались меня замечать. Я их смущала. У меня по-прежнему остались телосложение чирлидерши и длинные светлые волосы, но к ним прилагались шрамы. Парни знали, что с левой половиной моего лица приключилась какая-то беда, а с остальной частью тела, под одеждой, была примерно такая же картина.

После пожара поначалу у меня хватило наглости притвориться, что все нормально. Я пыталась вытравить феникса из яйца молотком. Ходила на вечеринки, тусовалась со знакомыми. Мои ровесники с нереальной скоростью расставили все по своим местам, шушукаясь у меня за спиной, хихикая, громко вздыхая и разнося сплетни. Мой тогдашний парень Такер, с которым я потеряла девственность, закрепил тот факт, что я стала другой, заменив меня Рашель Мьюир, напарницей из группы поддержки. Все испарились из моей жизни, как пот под толстовкой. Остались лишь Карли и бабушка Савви.

– *Приве-е-ет?* – раздался за окном женский голос. – Тут кто-нибудь есть?

Ага, я и мои безумные, инфантильные мысли.

Я повернулась к окну. Возле него стояли четыре старшеклассницы в обрезанных джинсах, ковбойских сапогах и таких же шляпах. Они хихикали и тыкали друг друга локтями, прижав к груди телефоны. Одна девушка заказала маргариту, а другие выглядывали у нее из-за спины, вытянув шеи.

– Он там? – прошептала одна, пока я наливала коктейль.

– Да, я его вижу. Господи. Господи-господи-господи, Келли. Он охренеть какой клевый.

Я отдала заказавшей коктейль девчонке сдачу и стаканчик, но подростки даже не шелохнулись.

– Он голый по пояс. – Келли, самая симпатичная из них, у которой были длинные каштановые волосы, а сквозь ткань короткой майки проглядывал сосок с пирсингом, стала лопать ртом воздух.

– Ага.

– Спроси его.

– Нет, *сама* спроси.

– Ты смеешься? Вперед!

– Мы же поспорили.

– Замолчи, ты сказала, что не боишься!

Я переводила взгляд с одной на другую. Слухи, что здесь начал работать Уэст Сент-Клер, разлетелись со скоростью лесного пожара. Я прогнозировала, что с сегодняшнего дня это станет нормой. Кучка фанаток будет стучать в окно и щебетать: «О, это? Это всего лишь я, в малюсеньком бикини покупаю тако, уложив волосы в салоне, что тут такого».

Мне не нравилась лишняя суета возле фургона, но поделаться с этим ничего не могла, да и если уж на то пошло, Уэст тоже не виноват.

– Чем вам помочь? – Я схватила тряпку и стала убирать свое место. Девчонки пихали друг друга, как бойскаутская малышня, учащаяся играть. Одна из них наконец взялась за

дело.

– Можно нам поговорить с Уэстом?

– Конечно. Уэст? – Я отвернулась и, махнув ему, попросила подойти к окну. Он нахмурился, но уступил. Когда парень оперся локтями о подоконник и наклонился вперед, меня охватила беспричинная ревность. Я еще раз взглянула на его тело и татуировку на внутренней поверхности руки с буквой «О». Интересно, где Тесс находит в себе силы вылезти из его постели?

Интересно, какой вообще секс с Уэстом Сент-Клером?

И от этих мыслей я разозлилась не на шутку, потому что ни в коем случае нельзя считать Уэста Сент-Клера привлекательным. Он являет собой все, что вызывает у меня непомерное возмущение. Популярный красавчик с блестящим будущим. То, что у него туго с деньгами, не означало, что у нас есть что-то общее. Покинув этот небольшой тexasский городок, Уэст взлетит и взорвется, как сверхновая звезда. А я останусь пеплом, звездной пылью, которая вслед за ним медленно опустится на землю.

– Уэст, приветик. – Келли шелкнула жвачкой, накручивая на палец прядь волос. Думаю, она учится в одиннадцатом классе. Настоящая малявка. Я юркнула в глубь фургона, чувствуя в груди какую-то странную тяжесть. Может, Уэст и доказал, что является здравомыслящим человеком, с которым можно работать, но я-то знала, какой он на самом деле придурок.

Он одарил ее скучающим взглядом в ожидании, когда девчонка перейдет к сути.

– Моя сестра рассказала, что ты теперь тут работаешь. Посоветуешь что-нибудь из меню? – Она постучала ярко-розовым ноготком по списку блюд.

– Да, – сухо ответил он. – Прочитай его.

Ее подружки заржали. Келли покраснела и поджала губы, пытаясь невозмутимо перенести унижение. Уэст провел рукой по влажным волосам. От малейшего его движения у него напрягались мышцы.

– Ой! Ты сегодня участвуешь в боях?

Парень уставился на Келли так, словно у нее только что выросла еще одна рука и пара ярких цветных крыльев.

– Да я шучу. Сегодня же не пятница! – Она надулась и стала покусывать нижнюю губу. – Макс говорит, ты в следующем году пойдешь в профессиональный спорт. Это правда?

Уэст не ответил. Я понимала, что он смолчит. Он не большой любитель слов. Уэст взял мой коктейль, сплюнул в него леденец и засосал трубочку, словно она принадлежала ему, начав уходить обратно к грилю.

– Я... э... – симпатичная крошка провела рукой по своим кудряшкам. Давление в груди стало сильнее. Безуспешные попытки были основной причиной душевных травм. Именно поэтому я не хотела играть в «Трамвай «Желание». И сейчас девчонка познавала все это на своей шкуре. – Мы с подружками поспорили. Я сказала, что уговорю тебя прокатить ме-

ня на твоём «Дукати», – выпалила она и вздрогнула, приготовившись к отказу.

Уэст замер и медленно развернулся.

– Ну и ну, какой глупый спор, – ухмыльнулся он.

Внезапно в его тоне появилась другая, более хищная интонация. Словно красotka наконец-то прокололась, и пришло время поставить ее на место. Уэст будет смаковать каждую секунду.

– Я просто подумала... точнее, *надеялась*, возможно...

Ее подружки снова не удержались от смеха.

– Он с удовольствием тебя прокатит! – вклинилась я в разговор и радостно ей улыбнулась.

Не могу смотреть, как она подвергается таким унижениям. Чертовски надеюсь, что Келли усвоит урок и больше никогда не окажется в такой ситуации, но я не хотела видеть, как она уходит поджав хвост.

Уэст резко повернулся ко мне, и скучающее выражение на его лице вмиг стало угрожающим.

Он приподнял густую бровь. Я практически слышала его мысли: «*Какого хрена?*»

Я пыталась без слов донести до него, что ему нужно это сделать. Ради нее. Ради *себя*. Он заскрежетал своей квадратной челюстью. Глаза потемнели. Уэст не оценил мое вмешательство – *или* телепатические способности.

– Не знал, что ты моя сутенерша, Серая кепка.

Он продолжал называть меня Девой Марией и Серой кеп-

кой, потому что знать не знал моего имени. Эта мысль удручала, но я выдержала его взгляд.

Не знаю почему, но он смотрел на меня, и мне не казалось это таким ужасным. Вероятно, потому что Уэст глядел мне прямо в глаза, а не отвлекался на мой шрам.

– Да брось, ей нужно сохранить лицо, – прошептала я. От сочетания «сохранить» и «лицо» меня затошнило.

Уэст снова повернулся к девушке. Она как будто дышать перестала.

– Ответ – нет. Унижение и бесплатная выпивка за счет заведения. – Он протянул ей *мой* коктейль.

Я сжала зубы. Девушка приняла коктейль, понуро опустив голову.

– Это потому что мне семнадцать? – спросила она, пытаюсь говорить беззаботным и кокетливым голосом.

– *Шестнадцать*, – кашлянула в кулак ее подруга.

– Нет, просто если я уступлю твоей несовершеннолетней попке, завтра здесь выстроятся в очередь пятьдесят школьников. Мне не по карману бензин, неприятности или обозленные папаши. К тому же от этой сделки не будет выгоды, поскольку я не связываюсь с малолетками. Я не «Нетфликс». Не развлекательная передача. А теперь проваливай.

– Даешь уроки этикета в свободное время? – простонала я, прижимаясь затылком к стене и закрыв глаза.

Уэст пнул стоящий на полу ящик, который мешал ему пройти к грилю.

– Смотря по обстоятельствам. Купишь?

Я покачала головой.

– Ты вел себя ужасно грубо, Сент-Клер.

– Я худший кошмар их родителей, причина, почему папаши покупают бейсбольные биты и ставят дополнительные замки. Они считают меня экзотическим животным, бунтарем. Я не пони, на котором они могут кататься по очереди, – на удивление пылко выпалил Уэст.

– Сплетни утверждают обратное, – промямлила я с закрытыми глазами.

Теперь я делаю намеки с сексуальным подтекстом? Что я несу и главное – зачем? Его репутация не мое дело. Не говоря уже о том, что даже я начала понимать Карли. Я жутко сегодня дерзила.

– Хочешь знать, какие сплетни ходят о тебе? – поддел он, но без интереса. Голос его звучал холодно. Бесстрастно.

– Нет.

– Хорошо, потому что ты не настолько интересна, чтобы о тебе говорить.

Отвернувшись к окну, чтобы он не увидел мой румянец, я оставила эту тему. Уэст прав. В нем видели лишь тело. Если бы он был женщиной, я бы на его месте оскорбилась. Но поскольку Сент-Клер – парень, я предположила, что ему нравится внимание. А еще я должна извиниться за то, как тут раскомандовалась. Да и вообще за многое.

– Наверное, я перегнула палку, – заявила я, несколько ми-

нут рассеянно выскабливая тряпкой салат из щели в окне.

Уэст не ответил. Я подумала, что он, возможно, меня не услышал или решил не принимать извинений, но потом Сент-Клер заговорил:

– А я, наверное, повел себя как урод из-за того объявления. Просто очень нуждался в этой работе.

Я развернулась и заметила, как он бросил мне из-за плеча ухмылку.

Мне было даже страшно подумать, что Карли оказалась права.

Что я возражала против работы с ним из-за испуга.

Что мир настолько меня страшил, что я не хотела даже пытаться выйти из зоны комфорта.

– Вообще-то, я не знаю твоего имени. – Уэст выключил гриль и закинул себе на плечо полотенце.

– Грейс. – Я прочистила горло. – А ты Уоррен, да?

Мы оба засмеялись.

– Уоллес, – поправил он.

– Класс.

На минуту наступило затишье, а потом...

– Мир, Грейс? – Он протянул мне мизинец. От его хриплого голоса по спине побежали мурашки. Тело задрожало. Плохой знак.

Я обхватила его мизинец своим, чувствуя себя глупой и, как это ни страшно, вовсе не несчастной.

– Мир.

Когда я села в пикап, то увидела в телефоне сообщение от Карли.

Карли: Ну что? Мне его уволить?

Я: Он может остаться.

Карли: Я ЗНАЛА. СОГЛАСИСЬ, ОН МИЛЫЙ! Я ЗНАЛА, ЧТО ТАК И БУДЕТ.

Я вспомнила его разговор с теми девушками. Я бы не назвала Уэста милым. Черт, я бы даже не назвала его воспитанным. Может, порядочным.

Я: Нормальный он.

Карли: Подружка, он норма-а-альный. Только не влюбляйся. Это будет то еще клише, и он разобьет тебе сердце.

Я: Тебе не о чем беспокоиться, если только я не получу серьезную черепно-мозговую травму с последующим сотрясением. Как учеба? Справляешься?

Карли: Более-менее. Как бабушка?

Я: Выживает.

Едва ли.

Я положила телефон на соседнее сиденье и закрыла глаза. Снова открыв через какое-то время, увидела Уэста на другом конце парковки. Он сидел на обочине в одиночестве рядом со своим мотоциклом в оранжево-красно-золотистом свете сумерек. Задумавшись, Уэст жевал свой жуткий леденец, уставившись в одну точку. Смотря на него, я не видела самого популярного в колледже парня.

Бога секса.

Боксера, зарабатывающего на нелегальных боях.

Я видела самого одинокого парня, которого только встречала в жизни.

Милого, растерянного и запутавшегося.

И с горечью подумала: ведь он даже не знает, что напротив сидит девушка, очень похожая на него.

Глава 5

Грейс

Следующие несколько недель прошли, как в тумане.

Экзамены, сплошные лекции и попытки успеть с учебными заданиями – времени даже перевести дух не хватало.

Я пренебрегла просьбой профессора Макгроу найти себе роль в «Трамвай «Желание» и каждую репетицию кусала ногти до крови, представляя, как она врывается в зал и при

всех выгоняет меня с курса. Разумеется, этого не произошло. На самом деле профессор Макгроу так и не ответила, даст ли она мне очередную отсрочку, а значит, она точно рассчитывала, что я обращусь к Крузу Финли по поводу роли.

Но я так этого и не сделала.

Я словно повисла в воздухе, словно стояла на самом краю утеса и готовилась к падению.

Плюсом ко всему и бабушка была не подарок. Марла сказала, что та стала особенно забывчивой. Что едва узнавала свою сиделку и постоянно пребывала не в духе.

Поразительно, но не доставляла хлопот только работа с Уэстом. Нет, мы не стали лучшими друзьями и все такое. С тех пор, как он заступил на работу в «Фургон с тако», у нашего трейлера стали выстраиваться очереди из новых покупателей. Все дошло до того, что пришлось повесить объявление с рекомендацией сначала сделать заказ, а потом уже фоткаться со Всемогушим Сент-Клером.

Но Карли была права. План сработал.

Дважды я оказалась вынуждена звонить миссис Контрерас с просьбой доставить еще продуктов, потому что их не доставало. Чаще всего нам с Уэстом даже отдышаться времени не хватало – не то что вести светские беседы. Но смены проходили быстро, и, когда наступало время идти домой, у меня ныло все тело.

Первую неделю Уэст проработал без футболки. На второй неделе он принес портативный кондиционер. Он казался

совершенно новым и чертовски дорогим. Уэст притворился, что здесь нет ничего особенного, что он просто купил (*или украл?*) кондиционер, который, наверное, спасет нам жизнь. Он поставил его точно посередине, включил на полную мощность и как бы невзначай замер рядом с ним. В тот день я поняла, что не все герои носят плащи. Некоторые одеты в грязные джинсы «Дизель», ботинки и потрепанные футболки.

Вопреки моему не поддающемуся объяснениям желанию не испытывать к Сент-Клеру симпатии, я все же пробормотала «спасибо».

– Что ты там сказала? – Уэст приложил руку к уху, в его глазах появился шаловливый блеск.

Да пошел ты, Сент-Клер.

– Я сказала «спасибо», – буркнула я себе под нос.

– Что ж, всегда пожалуйста. А теперь перестань похотливо глазеть на меня. Я и так чувствую себя объектом сексуального насилия.

Я так сильно засмеялась, что случайно хрюкнула, к своему ужасу. Мы оба понимали, что я силилась не пялиться на его голый торс.

Господи. Я хрюкнула. На глазах у Уэста Сент-Клера. Перспектива скончаться от унижительного положения стала вполне реалистичной.

– Извини, издаю звуки, как свинья. – Я закрыла лицо руками.

Он кинул в меня кусок рыбы.

– Если бы ты была животным, то каким?

– Фениксом, – даже не задумываясь, ответила я. Рука непроизвольно потянулась к сломанному кольцу, и я повертела его на большом пальце. Уэст кивнул. Не знаю почему, но я вдруг почувствовала, будто он знает, про что я говорю.

– А ты? – спросила я.

– Коалой. Я бы дрых целыми днями, но все равно был чертовски милым, да и перепихнуться не проблема.

– Слышала, что коалы на самом деле очень злые. И вонючие. И кидаются в людей какашками, – поделилась я своими бесполезными знаниями о животном мире. Хорошо, что я не пыталась флиртовать. Разговоры с привлекательными мужчинами точно не мой конек.

Уэст задумался.

– Ну, теперь я еще сильнее хочу стать коалой.

Если забыть про этот разговор, то в основном мы вели себя вежливо и профессионально. Я свыклась с мыслью, что нам придется сосуществовать, как со спуском в темный, незнакомый подвал. Прямых причин подозревать, что я пострадаю, не было, но перспектива все равно пугала.

Замечая новый рубец или синяк на его теле, я не могла заставить себя отвести глаза. Но никогда не поднимала эту тему. Иногда я встречала Уэста вне работы: в университетской столовой, или на лужайке у фонтана, или в продуктовом магазине, но всякий раз мы просто кивали друг другу и

отводили глаза.

Через две с половиной недели, после того как мы с Уэстом начали вместе работать, моя жизнь рассыпалась в прах самым поразительным образом, напомнив, что нормальное существование мне просто не суждено.

Стоял поздний вечер. Внезапная ночная смена после Уэстиваля (Фестиваля Уэста) за последние несколько недель. За два города от нас проходила весенняя ярмарка, и все жители Шеридана и их матери решили извлечь выгоду из этого мероприятия и поехали в Футхилл на родео, чтобы отведать пресного попкорна, сахарной ваты, покататься на карусели и полюбоваться цветением голубого люпина.

За темными желтыми дюнами гремел фейерверк. Мы с Уэстом с детским восторгом смотрели за ним из окошка фургона, стоя плечом к плечу. В кармане моей толстовки зазвонил телефон. Я посмотрела на экран. *Марла*. Я ответила, зная, что она не из тех, кто будет беспокоить меня на работе по пустякам. Отвернувшись от салюта, я неторопливо вернулась в фургон, прижав к уху палец, чтобы расслышать ее сквозь залпы.

– Привет, Марла.

– Милая, не хотела тебя беспокоить, но я не могу найти эту старую ведьму. Уже десять минут ищу, но, по-моему, ее нет дома.

Марла говорила о бабуле с искренним презрением, к которому я в итоге привыкла.

У меня перехватило дыхание. Я прислонилась к холодильнику, чувствуя, что тревога, как маленькие муравьишки, ползет от пальчиков на ногах вверх.

— Когда ты ее видела в последний раз, сознание у нее было ясным?

— Она весь день провела в своей комнате и наряжалась. Я думала, может, хочет пойти на ярмарку, поэтому оставила ее и пошла убирать на кухне, дожидаясь, когда она спустится. Радио работало, а ты знаешь, какой у нее слух. Видимо, я проморгала, когда она открыла входную дверь. Моя машина стоит в гараже, так что далеко уйти она не могла. Я сейчас пойду ее искать. Просто хотела держать тебя в курсе.

— Спасибо, — дрогнувшим голосом поблагодарила я. На меня накатила такая паника, что кровь застыла в жилах. — Держи меня в курсе и дальше, пожалуйста.

Я отключилась и, опустив голову, швырнула телефон на стойку. Мне хотелось заорать. Сломать что-нибудь. Выплеснуть эмоции.

Неужели опять, бабушка? Мы уже тысячу раз это проходили.

Меня бесконечно изматывал заведенный порядок: я всюду ее ищу, нахожу в соседском доме или в центре города, где она бессвязно с кем-то болтает, насильно увожу ее домой и от всей души прошу прощения.

Я чувствовала спиной пристальный взгляд Уэста. Он ничего не сказал, но я знала, что он за мной наблюдает. Подо-

шла пара покупателей и попросила тако, начос и коктейль, и Уэст обслужил их за нас обоих без лишних слов.

Снова опустив взгляд на телефон, я написала Марле.

Где она может быть?

Проверишь в сарае?

Сейчас позвоню шерифу Джонсу. Вдруг он что-то слышал.

Вышагивая туда-сюда, я набрала номер шерифа Джонса.

– Грейс? – судя по шуму на заднем фоне, он находился на ярмарке вместе с семьей.

– Шериф Джонс? Извините, что звоню так поздно. Бабушка Савви снова пропала.

– Давно?

– Эм, несколько часов. – Наверное, меньше, но я знала, что он отнесется к происшедшему не всерьез. Бабуля частенько пропадала, и всегда ее находили в паре километров от дома.

– Я позвоню своим ребятам, Грейс. – Он замолчал и вздохнул. – Постарайся особо не волноваться. Ведь это часто случается, да? Мы сегодня же ее найдем.

– Да, сэр. Спасибо за помощь.

Я отключилась, ощущая, как щиплет от слез глаза. Но, как и всегда, не позволила им пролиться. Ненавижу, что мне приходится просить людей о помощи. Я не винила Марлу. Бабушка и под моим присмотром частенько удирала из дома.

Я плюхнулась на стоящий вверх тормашками ящик и об-

хватила голову руками.

– Это кризисная ситуация «Хочу об этом поговорить» или «Не лезь не в свое чертово дело»? – пробурчал Уэст над моей головой, говоря скорее раздраженно, чем обеспокоенно.

Первое.

– Последнее.

– Слава, на хрен, богу.

– Козел.

– Предупреди, если передумаешь.

– Передумаю, что ты козел? Не дождешься.

– Не глумись над такой вероятностью. Она тебе ничего не сделала. – Косо на меня поглядывая, Уэст вытер пот краем футболки. Я для него странное, двинутое существо, с которым он не знал, что делать. Несчастливая особь женского пола.

– Я не над вероятностью глумлюсь. Я глумлюсь над *тобой*.

– Еще и язвит. Хороший знак.

Мне нужно бежать на поиски бабушки, но все семейство Контрерас ушло на ярмарку, а когда кто-нибудь из них сможет занять мое место, смена уже закончится.

Прошло тридцать минут, а новостей о бабушке не приходило. Я совсем не находила себе места, когда внезапно Уэст положил мне на плечо свою руку. Она была тяжелой, теплой и, как ни странно, обнадеживающей. Я как будто парила в воздухе, а он вернул меня на землю.

– С меня довольно твоей угрюмой физиономии. Давай ключи. Я закрою трейлер и брошу их в твой почтовый ящик.

Не знаю, какая муха тебя укусила за задницу, но лучше разберись с этим, а не трать тут время впустую.

Я покачала головой, поняв, что мне просто захотелось разрыдаться впервые после выписки из больницы, чтобы Уэст сразу просек, что у меня что-то случилось. Всем было уже насрать. В Шеридане я просто попала в статистику. Больная бабушка, мама-наркоманка. Вот почему шериф Джонс даже не стал делать вид, что уйдет с ярмарки, чтобы помочь мне в поисках.

Всем плевать.

По лицу потекли крупные горячие слезы. Я вытерла щеки рукавами, ужаснувшись тому, что реву перед Уэстом, и еще сильнее расстроившись, что наверняка размазала макияж.

Уэст глядел на меня с невозмутимым интересом. Интуиция подсказывала, что он не привык утешать женщин. Сент-Клер обычно имеет дело с теми, кто всегда в хорошем настроении и старается ему угодить.

Я покачала головой.

– Все нормально. Правда. Осталось-то всего полчаса.

– Именно, – выпалил он. – Полчаса – это ерунда. После того звонка от тебя здесь толку, как от монашки в борделе. Избавь меня от этого кислого лица и проваливай отсюда.

Я посмотрела на него, сидя на ящике. Безответственно ли будет с моей стороны рассмотреть его предложение? Я знала, что если бы Карли и миссис Контрерас были в курсе ситуации, то, без сомнения, сказали бы мне оставить ему ключи

от фургона, но если что-то случится...

– Да не стану я делать ничего подозрительного. Давай свой адрес.

Я продолжала на него пялиться.

Он возмущенно прикусил щеку.

– И на твою задницу я тоже не накинусь посреди ночи.

– Почему я должна тебе доверять?

– Ты и не должна, – в лоб заявил Уэст. – Доверие – это проекция своего оптимизма на другого человека, что само по себе тупо. Тебе стоит мне *верить*, потому что кража кассы мне ничем не поможет. И потому что мы в Техасе, а у тебя дома должен быть как минимум один козел с заряженным ружьем, который вышибет мне мозги, если я решу залезть к тебе в окно без приглашения.

Чистое сумасшествие – отдавать ему ключи. Уэст работал тут меньше месяца. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер, а я была в том еще отчаянии.

Мне надо найти бабушку. Уже очень поздно, и с каждой минутой она могла забрести еще дальше. Смена Марлы официально подошла к концу, и в ее зарплату не входит беготня посреди ночи в поисках бабули.

– Ладно. – Я взяла бумажку и нацарапала свой адрес. – Брось деньги в почтовый ящик Карли, а потом принеси мне ключи. С меня причитается.

Уэст забрал записку, спрятал ее в задний карман джинсов, пинком открыл дверь и бездушно выпихнул меня из фурго-

на.

Я на подкашивающихся ногах побрела к «Шевроле», с трудом контролируя подергивающиеся конечности.

Только заехав в гараж, я поняла, какое сегодня число.

В этот день десять лет назад скончался дедушка Фредди.

Бабушка прекрасно осознавала свои действия.

И куда идет.

Она хотела его найти.

* * *

Я в пятый раз обходила свой квартал, как вдруг кто-то начал раз за разом светить мне фарами, сигнализируя остановиться. Я продолжила путь, обняв себя руками за пояс.

Бабушку я искала по всему Шеридану. Сначала пошла на кладбище, думая, что она решила навестить могилу бабушки Фредди. Затем направилась в центр города, обыскала местный парк и позвонила миссис Серле из продуктового магазина с вопросом, не забредала ли бабуля к ней. Я зашла ко всем нашим соседям и друзьям. Казалось, будто земля разверзлась и поглотила бабушку.

Я услышала сзади рычание мотоциклетного мотора. Через несколько секунд слева возник Уэст на своем байке и стал ехать медленнее, подстраиваясь под мой темп ходьбы.

– Ключи бросил в твой ящик. – Голос был приглушен из-за черного шлема. С каждой стороны его украшали красные

языки пламени, и я вцепилась в кольцо на большом пальце, загадывая желание, как научила меня бабушка.

Пожалуйста, найдись.

Легкие обожгло горячим воздухом. Слишком сильным стал соблазн рухнуть на тротуар и забыть обо всех своих проблемах.

– Благодарю. А теперь спокойной тебе ночи, Сент-Клер.

Он не уехал, а продолжал меня вальяжно и беспечно разглядывать.

– Кризис еще не миновал?

Из-за медленного темпа, с которым Уэст заставил ехать мотоцикл, тот протестуя тихонько зарычал. Было пол-одиннадцатого. Уверена, ему есть куда податься и кого увидеть. Например, Тесс. С прикольной и простой – без условий, которые прилагались ко мне.

– Я с ним справлюсь.

– Я не об этом спрашивал.

– Зато я так ответила.

– Ты всегда такая, черт возьми, упертая?

– Только семь дней в неделю.

Уэст нажал на тормоз и, сорвав с головы шлем, соскочил с мотоцикла, как тигр. Его отросшие волосы намокли и торчали во все стороны блестящими, хаотично подстриженными локонами. Я остановилась, потому что так подсказывала мне вежливость.

Я с чего-то решила, что сегодня вечером все будет по-дру-

гому. Может, мне и не удастся ее найти. Я никогда еще так долго не искала. Не было такого, что, обойдя весь Шеридан, мне не удавалось ее найти.

– Ну-ну. Поговори со мной, Техас.

– *Техас?*

Он только что дал мне прозвище, или я официально свихнулась?

Уэст пожал плечами.

– Ты говоришь по-техасски. Глотаешь окончания и быстро говоришь, словно тебя лично оскорбил английский словарь.

– Я выражаю признательность месту, в котором родилась, что тут такого?

– Ты провинциальная девица, которая в свободное время наверняка сдирает с белок шкуру, сидит на камне на своем крыльце и жует табак. Признай, Техас, ты... *Техас.*

– Мне мое прозвище не нравится.

– Ну, бывает. Прозвище останется. А теперь скажи, какая муха тебя укусила.

Сбавив обороты, я вздохнула.

– Сегодня пропала моя бабушка. Просто вышла из дома и ушла, не сказав куда своей сиделке. Она не совсем в здравом уме и... – *скоро наградит меня сердечным приступом.* – Имеет склонность попадать в неприятности. Я пытаюсь ее найти.

– Слышишь?

– Что?

– *Пытаюс – опять окончание проглотила.*

– Это все, что ты услышал из того, что я тебе сказала? – Я прищурилась, только чтобы не заплакать. *Я правда-правда* вот-вот заплачу. Вообще-то, это первое в моем списке срочных дел, как только я найду бабушку.

Уэст сунул под мышку шлем.

– Где она может быть? Давай сузим зону поиска.

– Сегодня десять лет со смерти дедушки, так что я обошла обычные места. Кафе, где они работали, кладбище, на котором он похоронен, их прежних друзей... – я умолкла, когда до меня наконец-то дошло. – О.

– О? – Уэст внимательно посмотрел на меня в поисках зацепок.

– Закусочная у шоссе. Она могла пойти туда. Там они познакомились. Она стояла за кассой. Дедушка Фредди работал на гриле.

– Полагаю, голым по пояс. – Уэст цокнул языком.

Но я была настолько заиклена на своей догадке, что совсем не увидела совпадения. Я щелкнула пальцами.

– У них там первое свидание прошло. Да. – Я кивнула. Она все мне об этом рассказала. Как они задерживались после смены. Как она затащила его за прилавок и поцеловала до бесчувствия. – Бабушка могла туда пойти. Конечно, так бы она и сделала.

– Тогда лучше тащи туда свою задницу.

– Отличная идея.

Я повернула назад и пошла к дому, чтобы забрать машину, но вдруг остановилась, стоя спиной к Уэсту.

– *Вот черт.*

– А? – Я слышала в его голосе улыбку. Уэст даже на сантиметр не сдвинулся, зная, что я у него на крючке.

– Это за пределами Шеридана, примерно в десяти километрах отсюда. Из-за ярмарки сегодня ту дорогу закрыли. Единственный путь – старая грунтовая дорога, но мне по ней на своем пикапе не проехать.

«Шевроле» был со мной одного возраста и, как и я, не в лучшем виде. К тому же это скорее тропинка, чем дорога. Начнем с того, что пикап вообще туда не влезет.

Идти по грунтовой тропинке тоже не самая лучшая идея. Она проходила между кукурузными полями. Там встречались рыси, койоты и другие дикие животные.

– Мы поедem на байке. – В поле зрения снова появился Уэст.

– С каких это пор ты говоришь «мы»? – Я крутанулась к нему лицом и приподняла бровь.

– А ты умеешь ездить на мотоцикле?

– Нет.

– Тогда иначе, чем «мы», не получится. Господи, Техас, ты вроде умная девчонка, но иногда так тупишь.

Он сунул мне в руки свой шлем. Я подхватила тяжелую вещь, но даже не шелохнулась, чтобы надеть ее на голову.

С изумлением уставилась на Уэста. Открыла рот, чтобы отклонить его безумное, пусть и любезное предложение, но он протестующе поднял ладони вверх.

– Избавь меня от этой чуши. Ты не в том положении, чтобы отказывать, а я точно не джентльмен, чтобы настаивать.

– Уверена, у тебя найдутся дела поважнее.

– Нет, у меня найдутся дела *повеселее*. – Он цыкнул. – Ничто не сравнится с помощью другу в беде.

Другу.

Что-то в его интонации окончательно меня сокрушило.

Я почувствовала себя слабой. Уязвимой. Мне претило принимать от него помощь.

Если мы поедem за бабулей, то нужно честно его предупредить.

– Моя бабушка... своеобразная личность, – осторожно предостерегла я.

– Слава, блин, богу. А то все остальные в этом городе до чертиков нудные. Запрыгивай. – Уэст похлопал по кожаному сиденью мотоцикла.

– У тебя есть еще шлем? Для себя?

Уэст выхватил шлем из моих рук, бросил на землю кепку и проворно надел мне на голову шлем. Потянув за пряжку, закрепил его на подбородке.

Залез на байк и кивнул.

– *Запрыгивай. Черт. Возьми.*

Я опустила голову и быстро сунула кепку в задний кар-

ман. Шлем неожиданно оказался тяжелым и чертовски сильно сдавил мне щеки.

– Не хочу, чтобы ты ехал без шлема.

Я не желала, чтобы из-за меня Уэст рисковал жизнью. С этими его подпольными боями и поездками на мотоцикле казалось, будто он отлично справляется с задачей покончить с собой. Моя помощь ему ни к чему.

Уэст пропустил мимо ушей мои слова, прижал пальцы к глазным яблокам и, явно выйдя из себя, покачал головой.

– Залезай, пока я не завалил тебя, как мешок с картошкой. Честно предупреждаю: нежничать не стану.

Я шагнула к нему, чувствуя, как трещит по швам моя решительность.

– И посмотри на раскрас Кристины, – обратил внимание он.

– Кристины?

– В честь Кристины Хендрикс. – Он похлопал шершавой рукой по блестящему красному переднему крылу мотоцикла. – Мой любимый – красненький.

– Радует, что только она настолько глупа, что позволяет тебе на себе прокатиться. И она неодушевленный предмет, – невозмутимо произнесла я.

На минуту Уэст устави́лся на мою покрытую шлемом голову, а потом запрокинул голову и расхохотался с искренней, заразной радостью, от которой у меня вскипела кровь. Эта идеальная жемчужно-белая улыбка подтвердила

мое первоначальное подозрение, что ею можно сбивать женщин с ног.

И мужчин, наверное, тоже.

Я перекинула ногу через сиденье. Все тело дрожало от возбуждения и тревоги. Я никогда еще не чувствовала себя такой напуганной и живой.

– Подвинься вперед, – рявкнул Уэст.

Я так и сделала. Мотор подо мной урчал, как свирепое животное.

– Теперь прижмись ко мне.

– По-моему, это уже напоминает третье свидание.

Уэст снова расхохотался. Его смех был хриплым, прокуренным, почти чужим – словно парень не привык быть счастливым.

– Ну, ты либо прижимаешься к главному ублюдку универа, либо развеваешься на ветру, как сдувшийся шарик. Как скажешь, так и будет, Техас. Я получу удовольствие при любом раскладе.

Уэст Сент-Клер обладал уникальной способностью делать хорошие поступки и при этом вести себя как полный и безоговорочный придурок.

Я с неохотой прижалась грудью к его спине и положила голову между лопаток. Закрыла глаза и вздохнула, напоминая себе, что не в том положении, чтобы сейчас изображать ханжу.

– Обхвати меня руками, да покрепче.

Я обвила его тело руками, ощущая каждый кубик на рельефном прессе, и сердце у меня начало биться так часто, что он, без сомнений, почувствовал это сквозь тонкую футболку.

Мы стрелой понеслись по дороге, рассекая стоячий воздух. Уэст наклонился вперед. Я обхватила его покрепче руками, потрясенная тем, как мы держимся на его мотоцикле, даже когда с асфальта съехали на гравий, а потом и на пыльную дорогу, всю в колдобинах. Футболка на Уэсте развевалась как флаг, а от резкого порыва ветра у меня захватывало дух. Каждый дюйм моего тела покрылся мурашками.

– Не напрягай мозги, Техас. Ничего хорошего из этого не выйдет. – Ветер смазал его слова. К счастью, Уэст замедлил скорость, и мне удалось его расслышать.

– Заметь я вовремя, какое сегодня число, бабушка была бы сейчас дома, жива и здорова, – прошептала я в его шлеме. Меня окружал аромат Уэста. Мужественный, чистый запах манящей, головокружительной опасности.

Если сдамся, то могу заблудиться в этом аромате. Интересно, у бабушки так же было с дедушкой Фредди? Дико ли ее пьянила его близость?

– Ты всегда так к себе строга? Не отвечай «только семь дней в неделю».

– Это моя обязанность – заботиться о ней. Бабушка меня растила.

– Можно заботиться о близком человеке, не вменяя себе

вину за их проблемы.

– Видимо, ты никогда ни о ком не заботился.

– Видимо, ты снова думаешь задницей, – парировал Уэст ледяным и резким голосом. Похоже, я задела его за живое.

– В моей заднице больше здравого смысла, чем во всем, что вылетает из твоего рта, – процедила я сквозь зубы.

И Уэст, как по щелчку пальцев, снова захохотал над моей смелостью. Над нашими пререканиями.

– Не знаю, как насчет этого, детка, но попка отличная, так что я с удовольствием тебя послушаю.

Уэст оказался совсем не таким, каким я его себе воображала. Он словно прятал свою веселую, беззаботную личность, чтобы держать людей на расстоянии вытянутой руки.

– Полегче на поворотах, ковбой. Если ты поэтому мне помогаешь, то притормози-ка и разворачивай. Я не такая.

– Какая «не такая»? – в его тоне появились похотливые, ехидные нотки.

– Я не из тех, кто считает себя ниже тебя, потому что ты подарил мне каплю своего внимания.

– Можешь быть и *на* мне.

– Продолжай в том же духе, и единственное, что на тебе окажется, – это мой пикап, которым я по тебе проедусь.

– Я шучу, Техас. Я ни за что не стану к тебе подкатывать. Я не путаю дела и удовольствие. К тому же меня интересует только один перепих, а ты, без обид, та еще штучка. Это невинная, бескорыстная услуга для друга.

Вот опять. *Друг*. Он назвал меня так уже во второй раз.

– Честно?

– Клянусь. Взамен жду лишь твое бесконечное восхищение.

– Почему ты вообще такой милый со мной?

Я достаточно слышала про Уэста и понимала: милым и любезным человеком он не был, но это не связано с кружившими вокруг него сплетнями. Уэст – известный в кампусе хам с вечно кислой физиономией.

– Милый – это слишком громко сказано. – Мы приближались к перегороженному перекрестку. Я осмотрелась по сторонам, судорожно ища бабушку. – Я не так уж хреново с тобой обращаюсь. Думаю, это немного сбивает тебя с толку.

– Люди не обращаются со мной хреново, – возразила я.

– Позволь не согласиться.

– Если ты говоришь про Рейна и девчонок, с которыми вы тогда приходили, то дело не во мне, а в них.

– В них, потому что они придурки. В тебе, потому что ты заискиваешь и прикидываешься невидимкой.

– Не припоминаю, чтобы ты обращался с кем-нибудь так любезно.

– Нет, – согласился Уэст, в его голосе не слышалось ни тени оправдания. – В следующий раз разрешаю вылить мне коктейль на голову и пнуть Рейна по яйцам.

Я уже собиралась ему ответить, как вдруг увидела бабушку. Ее было трудно не заметить в пышном вечернем платье

в сине-красных блестках, с ярко-розовой помадой на губах и на каблуках.

Она взбила и полила лаком волосы – *чем выше прическа, тем ближе к Богу*, – а в руках держала небольшой клатч, который каждое воскресенье брала с собой в церковь, когда мы туда еще ходили. Бабушка перешла дорогу и направилась в закусочную.

– Стой! – заорала я.

Уэст остановился, не сбавляя скорости. Нас обрызгало грязью, а меня дернуло вперед, и я ударилась грудью о его спину. Уэст, поймав, грубовато обхватил меня рукой за талию.

– Все, нашла, – выпалила я, слезая с байка. У меня тряслись ноги. – Спасибо. Вон она, в платье Дайаны Росс, через дорогу. Я сейчас же отведу ее домой. – Я сняла шлем, зная, что наверняка испачкала его тональником, и отдала Уэсту в руки. Я снова напялила кепку на голову. – А теперь спокойной ночи, Уэст.

Я побежала через дорогу, чуть не повалив бабулю на землю. Она медленно повернулась на мой топот, и улыбка на ее лице сменилась недовольной гримасой, стоило ей заметить мою приближающуюся фигуру.

– Будь я проклята! Что ты тут забыла, Грейси-Мэй? Уже спать пора. Завтра в школу.

Бабушка хлопнула себя по бедру сумочкой. Ее лоб покрылся бисеринками пота от долгой прогулки по грязной до-

роге, а на туфлях налипла грязь.

Она опять спутала мой возраст?

– Просто хотела составить компанию. – Я резко затормозила с ангельской улыбкой на лице.

– Солнышко, у меня свидание с бабушкой. Давай завтра?

Я яростно затрясла головой. Улыбка на лице была такой же болезненной, как незажившие раны, и такой же натянутой. Бабушка считала, что дедушка еще жив.

– Пожалуйста, я *правда* хочу с тобой, бабуль.

Она открыла рот, готовясь снова меня отчитать, как вдруг, посмотрев за мою спину, вытаращила глаза, которые сразу загорелись блеском. Я круто развернулась, и у меня тут же вытянулось лицо.

Боже, пожалуйста, только не это.

– Добрый вечер, миссис Шоу. Как поживаете? – Уэст с самодовольным видом приблизился к нам. Идеальными зубами он сжимал леденец, а на губах сияла наглая ухмылка. Морщинками вокруг зеленых глаз он напомнил мне Скотта Иствуда⁷.

Интересно, что за дела со старой доброй конфетой. Уэст всегда смаковал один и тот же леденец со вкусом зеленого яблока.

– Прекрасная погода, не так ли?

– Чудесная. – Бабуля взбила рукой залитые лаком волосы, жесткие, как скала. – Вроде мы незнакомы?

⁷ Скотт Иствуд – американский актер и модель, сын Клинта Иствуда.

Бабушка Савви протянула Уэсту руку. Он ухватил ее, наклонил голову и, на время вытащив конфету изо рта, провел губами по ее пальцам.

– К моему огромному огорчению, незнакомы. Уэст Сент-Клер. Я работаю с Грейс.

– Что ж, боюсь, она про тебя не упоминала.

От взгляда, который Сент-Клер бросил в мою сторону, я чуть не захихикала. Он выглядел по-настоящему удивленным. У меня возникло подозрение, что впервые знакомая ему женщина не сделала его центром своей вселенной.

– Это правда? – Он сощурился, глядя на меня, засунул леденец обратно в рот и прокусил до хруста. Я пожала плечами.

– Вы с Грейси-Мэй составите нам компанию с Фредди? – спросила бабушка.

Была половина двенадцатого, а бабушка выглядела ужасно. У нее наверняка очень сильно болели ноги – она не привыкла много ходить. К тому же я реально не хотела, чтобы главный плохой парень нашего универа оставался с глазу на глаз с моей сумасбродной бабушкой, хоть и буду притом чувствовать себя мелочным и неблагодарным человеком.

– Нет! – завопила я одновременно с Уэстом, который тут же произнес:

– Отличный план.

Бабушка, изогнув бровь, внимательно посмотрела на нас обоих.

– Ребята, хотите обсудить?

У меня так зарделись щеки, что удивительно, как голова не лопнула. Смерть от смущения – это жестоко, но сейчас очень даже к месту.

– Уэст только что отработал смену. Он точно хочет домой.

– У Уэста есть своя голова на плечах, и сейчас ему нужен стейк и приятная компания. – Уэст грубо отпихнул меня и обольстительно прокатил конфету во рту, стрельнув в сторону моей бабушки отрепетированной нахальной ухмылкой.

– Где правила хорошего тона, Грейси-Мэй? Мужчина проголодался и вежливо, корректно просит составить ему компанию. Даю слово, я ее лучше воспитывала.

– Ничуть в этом не сомневаюсь, мэм.

Уэст открыл нам дверь в закусочную. Бабушка гордо вошла первой. Он пошевелил бровями, смотря на меня с издевательской улыбкой.

– Дамы вперед.

– Да что с тобой не так? – накинулась я на него.

Уэст смиренно вздохнул.

– Дети, долго вы там еще?

Я стукнула его по руке и поплелась внутрь.

Он засмеялся.

Он и правда *засмеялся*.

Словно мысль о том, что я могу нанести ему хоть какой-то вред, была полным бредом.

– Ты проиграл пари? – шепотом произнесла я, идя с ним нога в ногу.

– А ты выжила из ума? – ответил он вопросом на вопрос, источая тихую опасность, которая почему-то не зацепила бабушку. – Это просто ужин, а твоей задницы вообще в меню нет.

– Вот только не говори, что не видишь ничего странного в желании провести время со мной и моей бабушкой.

Я была Гречкой, а она – не совсем в своем уме. Все это знали. Даже если Уэст не слышал об этом, то уж за последние десять минут должен был врубиться. С чего он вдруг решил со мной подружиться?

– Не все вертится вокруг тебя, Техас. На самом деле очень немного. Это действительно благословение и проклятие – знать, что мир не вертится вокруг твоей энергичной попки. Иногда парень просто хочет стейк.

– Я...

Уэст живо меня перебил:

– Голоден. Уйди с дороги. *Сейчас же.* – Он кивнул, показывая мне идти вперед.

Бабушка скользнула на красную скамейку в форме подковы, и мы последовали ее примеру. Тут же появилась официантка средних лет с обесцвеченными волосами, чтобы взять у нас заказ. Она была одета в розовую форму с воротничком в черно-белую клетку.

«Курятник Ронды» – круглосуточный кабак, обслуживавший в основном проезжавших мимо дальнбойщиков. Здесь сидела всего пара посетителей, которые пили заварной кофе

и ели фруктовый пирог. Бабушка попросила чай со льдом и мясо в остром соусе, а Уэст решил не мелочиться и заказал двойную порцию фри, молочный коктейль и непрожаренный стейк, который, как я позже узнала, был размером с полкоровы. Я попросила диетическую пепси из автомата и чудо. Официантка щелкнула жвачкой и хихикнула над моей шуткой.

– Тяжелая ночь, девочка?

– Можно и так сказать, – пробурчала я и, прищурившись, посмотрела на сидящего напротив Уэста. Он непринужденно улыбнулся, и упрямый блеск в его глазах убедил меня, что он ничуть не возражает против моей враждебности.

Ощущение, будто ему за один день произвели пересадку личности. Может, он пережил нервный срыв, потому что сейчас совсем не походил на парня, которого я видела на учебе эти два года.

Угрюмый, молчаливый и серьезный. С бушующей внутренней тьмой. Он шел по коридорам, в студенческий профсоюз, в библиотеку и греческий городок, как человек, ждущий, что его поразит молния.

Этот задиристый, жестокий, тихий, медленно закипающий парень? Сидящий напротив Уэст даже отдаленно на него не походил.

Бабушка вела себя, словно дедушки Фредди с нами не было, так что, видимо, я все-таки получила свое маленькое чудо. Она наклонилась вперед, бросила монетку в музыкаль-

ный автомат и выбрала At Last Этты Джеймс. Бабуля открыто получала удовольствие от мужского внимания, рассказывая Уэсту, как работала в этой закусочной.

– Скажу я тебе, в те времена нам приходилось несладко. И все же я не стала бы ничего менять. Здесь я познакомилась со своим мужем.

– Должно быть, он был особенным. – Уэст улыбнулся ей, и я попыталась вспомнить, видела ли его улыбающимся в колледже. Мы оба ходили на занятия по средствам массовой информации, так что сталкивалась я с ним часто. Не припомню ни одного раза, и это меня встревожило.

– Мальчик мой... – бабушка наклонилась и похлопала его по руке. – Он был чертовски умен, опасен как дьявол и так же привлекателен.

Видя ее такой счастливой, я и *сама* испытала счастье, так что в итоге развалилась на скрипучем диване из искусственной кожи и не мешала им общаться.

– Итак, мистер Сент-Клер, вы ухаживаете за моей Грейси-Мэй? – спросила бабушка чуть погодя и, опустив подбородок, внимательно посмотрела на Уэста сквозь украшенные крыльями очки для чтения.

Я подавилась содой и расплескала ее по всему столу.

Уэст ухмыльнулся, облокотился на стол напротив нас так, что они с бабушкой оказались почти нос к носу, и понизил голос до шепота:

– Могу говорить с вами откровенно?

– Честность – лучшая политика.

– Я не готов к отношениям, миссис Шоу. Грейс заслуживает все самое лучшее, так что я не стану ей досаждать. Тем более ваша дочь сама от меня не фанатеет.

– Дочь? – бабушка приложила ладошку к груди и хихикнула. – Дорогой, ты все неправильно понял. Я – *бабушка* Грейс.

– Почему... – Уэст лукаво мне улыбнулся. Мне хотелось его придушить. Он *знал*, что она моя бабушка. – Разрази меня гром. Вы же выглядите как сестра Грейс!

– Полагаю, как младшая сестра, – сердито проговорила я, посасывая соломинку.

Он добродушно рассмеялся.

Этот парень так старательно льстил, что вполне мог бы заняться моим макияжем.

Бабушка и Уэст продолжили есть и снова вернулись к непринужденной беседе.

Они говорили о погоде в штате Мэн (по его словам, полный отстой), еде в штате Мэн (то же самое, за исключением морепродуктов), его семье (здесь Уэсту хватило такта не говорить, что они отстой, но, по его скрытным ответам, я поняла, что с родителями он не ладит). Когда мы закончили, Уэст пообещал снова сводить бабушку в закусочную, а она поклялась испечь ему один из своих известных пирогов. Поскольку я не участвовала в разговоре, то извинилась и ушла в туалет, чтобы поправить тональный крем. Вернувшись к

столу, я увидела, что Уэст уже оплатил счет и встал. Бабушка вела оживленную беседу с нашей официанткой, рассказывая ей о своей работе в закусочной.

Я поморщилась.

– Не стоило тебе платить. Спасибо.

Уэст запихнул бумажник в задний карман джинсов, потянув за прикрепленную к ним цепочку. Обе его тарелки были вылизаны до блеска, да он еще и за бабушкой доел. Наверное, Уэст проголодался как волк.

– Я вызвал вам такси. – Он пропустил мимо ушей мою благодарность, снова став неприветливым ворчуном. – Запри входную дверь и спрячь ключ там, где она не сможет его найти.

– Ей разрешено ходить по дому, – запротестовала я, просто чтобы поспорить с ним. Мне не понравилось, как Уэст указывал, что мне делать, хоть и понимала, что он прав.

Он косо глянул на меня.

– Спрячь, куда никто не заглядывает.

– Куда, например? – Я скрестила на груди руки и бросила на него пронзительный взгляд.

– Как насчет твоей постели?

Уэст взял с сиденья шлем и сунул его под мышку. На прощание поцеловал бабушку в щеку и, не удостоив меня взглядом, ушел. Я смотрела за ним через окно в машине. Он перекинул ногу через байк и умчался. Бабушка подошла ко мне. Мы смотрели, как исчезает в темноте красный свет фар его

байка, пока он не превратился в небольшую точку.

– Будь с ним осторожна, родная. Он изворотливый, как клубок змей. – Она взяла меня под руку и похлопала по предплечью. Бабуля снова стала собой – милой бабушкой Савви, и я загадала желание, чтобы она подольше такой оставалась, и мне хватило времени рассказать ей о своей жизни, своих трудностях и отношениях.

Хватило времени, чтобы она поделилась со мной своим острым взглядом независимой женщины с юга.

Я подумала о девушках, которые частенько навевались к нашему фургону с тако. О правиле одной ночи Уэста. О его репутации и побитых костяшках, о лукавых, озорных ухмылках и бездонных зеленых глазах, которые скрывали все эмоции, когда он на кого-то смотрел.

Бабушка права.

Я не могла позволить себе роскоши открыть сердце Уэсту Сент-Клеру.

Осталось лишь убедить в этом остальные части своего тела.

Глава 6

Уэст

– Уэст, дружище, что нового?

Макс изо всех сил старался не отставать от меня, когда я влетел в кафетерий. Он задыхался, как похожая на крысу собачонка, которая не в силах пробежать от кухни до обеденного стола. Макс был низкорослым, тучным парнем, с целой россыпью прыщей на подбородке и жесткими рыжева-

тыми кудрями, которые чересчур старался укротить с помощью средств для волос.

Подобное комбо лишало его привлекательности в глазах любой девчонки с мало-мальски хорошим зрением, а таких, к несчастью для него, было подавляющее большинство в нашем колледже.

Этот придурок стал известен тем, что продавал билеты на бои в «Шеридан Плаза» – и был известным коллекционером до оставшихся объедков по части дам, к которым ни я, ни Рейн, ни Ист не проявили интереса во время ночных боев. Макс неплохо нажился, организуя мне выступления в стиле «Бешеных псов». Он работал на подхвате, а я трудился кулаками.

Каждую неделю он приводил на арену всех своих друзей из братства Пайка, Бета-Тета-Пи и Сигма-Эп и заставлял их раскошелиться на ставки, билеты и пиво.

Трудился за меня, поскольку в конце каждого вечера именно я приносил больше налички.

– Давай резче, Макс. Я тут не собираюсь с тобой языком чесать, – прошипел я.

Я направлялся в столовую на встречу с Истом. Телефон вибрировал в кармане, как это бывало слишком, мать его, часто. Я уже не обращал внимания. Даже доставать его не требовалось, чтобы узнать, кто звонит. Мама. И ей снова понадобились деньги.

Макс хлопнул в ладоши, чуть ли не подпрыгивая на ходу.

На нем были винтажные джинсы, модный ремень и столько геля на волосах, что удалось бы вылепить гребаного шестилетку. Я заторчал только от одних испарений с его волос.

– Ок. Прямолинейно, но я понял, – похвалил он. Я ввалился в столовую, а Макс поплелся за мной как придурок. – Нашел тебе новую подработку. Просто чума. Такая не каждый день попадается. Чертовски прибыльное дельце, но решать надо быстро.

– Ты выложишь уже? – Я огляделся в поисках Иста. Мой лучший друг, как влюбленная девчонка со светящимися обожанием глазами, каждое утро делал мне сэндвичи и приносил с собой. Подозреваю, он беспокоился, что я умру от голода, если он обо мне не позаботится. Может, Ист слишком хорошо меня знал и понимал, что отчасти я вовсе не возражаю против смерти.

Потом последовало бы желанное посмертное небытие. С моими теперешними привычками я точно не предпринимал активных попыток выжить.

– Жестко ты. Слышал про Кейда Эпплтона? – спросил Макс.

Эпплтон был профессиональным бойцом смешанных единоборств и уроженцем Шеридана и около пяти лет назад переехал в Вегас. Его часто отстраняли за нечестные приемы на ринге. По всеобщему мнению, он заслужил, чтобы ему отбивали почки. Почти каждый житель Шеридана, знавший его с детства, мог поделиться кровожадной историей, как он

издевался над животными, угрожал дробовиком или истязал какого-нибудь бедолагу, после чего тот оказывался в неотложке.

Не говоря уже о том, что Кейд Эпплтон – типичный пример деревенского мужика. Для меня станет удивлением, если у него найдется хоть одна пара ботинок.

– Оказывается, он в городе и, если ты готов, желает сегодня вечером с тобой сразиться. У нас в планах парень из Пенсильвании, но мы можем его ненадолго отложить. Если выберешь бой с Эпплтоном, шансы против тебя. Я уже составил сводную таблицу. – Макс достал телефон и сунул мне под нос таблицу, сделанную в «Экселе».

Я резко остановился и тихонько присвистнул, заметив цифры.

У меня имелась одна очень важная проблема – с тех пор, как я начал зарабатывать на жизнь нокаутами, я в клочья рвал всех соперников. Позволял им нанести один-два удара, чтобы поддержать интерес зрителей, но не поддавался и оставался верен своим принципам. Из-за этого возникло чертовски сильное неравенство, которое приносило денег меньше, потому как все знали, что я все равно выиграю.

Кейд Эпплтон был профессиональным боксером и несколько раз завоевывал звание чемпиона. Бой с ним – блестящая возможность заработать кучу бабок.

В воздухе пролетел банан, ударился о грудь Макса и приземлился у моих ног. Я оторвал взгляд от телефона Макса

и посмотрел, откуда его кинули. Заметил склонившихся над столом Иста и Рейна в другом конце столовой. Друзья пома- хали, подзывая к себе.

Я начал идти в их направлении.

– Так что? – пошел за мной Макс. – Твое решение?

– Я в деле.

Я уселся на скамейку перед Истом, и друг протянул мне мокрый сэндвич с яйцом. Надеюсь, телки в его постели та- кие же мокрые, как и этот сэндвич. Ему нужно завязывать с маслом.

– В каком деле? – выгнул бровь Ист. Рейн сидел спиной к нам, уткнувшись в телефон. – В каком? Влюбился? Свих- нулся? Не в состоянии закончить предложение?

– Он сегодня дерется с Кейдом Эпплтоном, – с мечтатель- ным взглядом пришел на выручку Макс.

Ист покачал головой, грозно сдвинув брови.

– Ни хрена. Этот ублюдок играет не по правилам, и все это знают. Вся его банда замешана в сомнительных делишках. Игра не стоит свеч, Уэсти.

Ненавижу, когда друг так меня называет. *Уэсти*. Но еще я прекрасно понимаю, что Ист один из немногих на этом све- те, за кого я могу постоять, и – что самое главное – он по- стоит за меня. Мы вместе переехали из небольшого городка в штате Мэн в Шеридан и поступили в один университет. Неправильно было бы разъезжаться после всего, что мы вме- сте пережили.

Мы вместе жили. И делили все поровну: прошлое, настоящее и будущее.

Сейчас о расселении и речи не шло.

Мы всегда были Истом и Уэстом⁸ – вундеркиндами.

Во всяком случае, пока я не перестану им быть.

Я забил на Иста, откусил от сэндвича и ткнул пальцем в сторону Макса.

– Забей этот бой.

– Чувак, – вытаращил глаза Ист.

Рейн закончил болтать, кинул телефон на стол и оторвал зубами кусок жареного сыра.

– Добрый день, дамы. Могу я поинтересоваться, чего вы так туго затянули свои корсеты?

– Уэст собрался сегодня драться с Кейдом Эпплтоном. – Ист ткнул в меня большим пальцем, словно говоря «посмотри на этого кретина».

У Рейна глаза вылезли на лоб.

– Черт подери. Будь я суицидником, то на твоём месте утопился бы в галлюциногенах, но тут уж тебе решать, мужик.

– Если передумаешь, буду рад оказать содействие. – Я снова откусил сэндвич с мокрым омлетом, пытаюсь не вспоминать с тоской итальянские блюда моей матери. При всех её недостатках, она готовила отменную еду. Если не считать захода в закусочную на этой неделе, то я несколько лет не ел

⁸ Ист (east) в пер. с английского – восток, а Уэст (west) – запад.

приготовленную дома пищу.

– Уэст не суицидник, – возразил Ист – скорее себе, чем остальным, сидящим за столом. Он бросил на меня испепеляющий взгляд. У меня не стояло в планах кончать жизнь самоубийством, но если бы я умер, то это не стало бы неожиданным сюжетным поворотом.

Рейн рассмеялся.

– Не, ну серьезно. Ты реально думаешь встретиться на ринге с Эпплтоном? Могу я забрать твои эйрподсы? В моих столько ушной серы, что можно забить ей банку от горчицы.

Истон пнул его под столом, а потом стукнул и меня по голени.

– Ист, даже слышать этого не хочу. Рейн, *тебя* тем более. Макс, свали. Я в деле. Пусти слух. Не вынуждай меня пожалеть об этом.

– Так вот что она сказала, – сострил Рейн.

Теперь мы вдвоем с Истом стукнули его по руке.

Устраиваясь на работу в тако-фургон, я предупредил Карли, что работа по пятницам даже не обсуждается. Она была в курсе. Карли и Техас одни из немногих телочек в колледже, которые не показывались на боях. Мне нравилось, что я мог разделить работу в фургоне от работы, где ломаю парням носы.

Макс поторопился скрыться. За столом повисло молчание, пока Рейн не прокашлялся.

– А если без шуток, то Эпплтона не просто так отстрани-

ли от участия в лиге МАФ. В прошлом году Кейда арестовали за нападение на его девушку. Мать его ребенка. Лучше не смотреть во время еды фотки ее лица. Просто на всякий случай говорю.

– А его менеджер прославился организацией собачьих боев. Вроде как даже три года в тюрьме отсидел, – вставил свое слово Ист.

– Вот-вот. Шон Пикер. Их совместный перечень преступлений длиннее «Войны и мира».

Рейн ткнул в меня пальцем, держа в руке жареный сыр.

– Кстати, хочу заметить, что никогда ее не читал, но слышал, что книга, как и я, охрененно большая и ее нелегко проглотить.

– Я не жениться на нем собрался, а уложить на лопатки, – огрызнулся я. – Слушайте, мы уже обо всем договорились, так что давайте сменим тему. – Я потерял к друзьям интерес и огляделся в поисках сам не знаю чего.

Мне нужны деньги.

Жуть как нужны.

Вот такая суровая ирония.

По мере взросления я дал себе обещание, что не буду тем засранцем, который живет во имя работы, а буду работать, получая от жизни наслаждение. С другой стороны, я всегда плохо выполнял свои обещания.

Чем старше я становился, тем чаще лажал, чаще совершал ошибки, за которые потом приходилось расплачиваться.

Теперь я гонялся за бабками, как те жалкие недоноски, которых жалел в детстве, а ведь зарабатывал деньги даже не для себя.

Я не могу отказаться от боя с Эпплтоном. Победа будет за мной. Даже если придется прикончить этого ублюдка, чтобы на моем счету оказалась приличная сумма.

В сотый раз за сегодня в кармане завибрировал телефон. Я вытащил его, скинул звонок и написал матери: «Отправляю еще денег в понедельник. Отстань от меня».

На экране появилось уведомление о голосовом сообщении. Я удалил его прежде, чем у меня появится желание его прослушать. Я посмотрел на Рейна и Иста. На их лицах читались недоумение и беспокойство.

– Да забейте, – уперто заявил я.

– Свяжешься с Эпплтоном – и все твои близкие могут оказаться в беде, – предупредил Истон. – Этот мужик фактически бандит. Он решает проблемы, как мафиози.

– Если запахнет жареным, ты в курсе, где дверь. – Я упрямо встретился взглядом с Истоном и заскрежетал зубами от едва сдерживаемого гнева. – Я в любом случае буду драться.

Рейн встал и лениво потянулся.

– Ну, ладно, я пошел. Ист, увидимся на тренировке. Уэст, был рад знакомству с тобой. Обязательно оставлю пару цветочков на твоей могиле и утешу твоих подружек, которым скоро потребуется теплая постелька. – Он наклонил голову, подхватил спортивную сумку и удрал.

Ист проводил Рейна взглядом, а потом снова сосредоточился на мне.

– Дома все совсем хреново?

Он прекрасно знал, почему каждую пятницу я показываюсь на ринге, и дело не в гордости или желании славы. Да, вкус соперничества был у меня в крови. Встретившись с трудной задачей, я всегда ее разрешал, но я бы никогда не выбрал бои, если бы не случившееся.

Я задохнулся в рот остатки сэндвича.

– Ты же знаешь моего отца. Он не может вести дела, чтобы спасти себе жизнь. Я не могу позволить им потерять ферму. У них ничего не останется.

Ист кивнул.

– Я рядом, если понадобится.

Да, самая лживая, самая банальная фраза, но я знал, что друг говорит искренне. Я даже понимал, что он *не сможет* помочь, но мне все-таки становилось чуточку легче.

– Где пропадал прошлой ночью? – сменил тему Ист.

– У этой девчонки Грейс из фургона случилась кризисная ситуация. Она слилась раньше, а мне нужно было закрыться.

Я не собирался распространяться насчет дел Техас. Не потому, что был порядочным человеком, боже упаси. Просто меня не увлекали городские сплетни. Да и окажись я в ее ситуации, если бы кто-то растрезвонил о моей бабушке с прибабихом, я бы прочистил этому человеку мозги и украсил бы ими рождественскую елку.

С Техас, конечно, нелегко.

– Повтори-ка. Ты пришел в полвторого. Я еще не спал. – Ист постукивал по столу пальцами, смотря на меня взглядом «ага, попался!».

– Перехватил ужин по дороге. Не знал, что ты хотел по-лежать в обнимку.

– Ты же не ешь вне дома. Ты такой жлоб, что даже купить себе пару чертовых носков не можешь.

Гребаный факт. Та покупка на всю компанию тако и коктейлей несколько недель назад – единичный случай. Одна девчонка была сестрой парня, который после боя оказался в реанимации по моей милости. Он угрожал меня засудить, а мне следовало ее умаслить, чтобы девчонка убедила его отказать от иска. Что он и сделал.

– Допустим, я затусил с Шоу, – вызывающе зевнул я. – Что тут такого? Я полакомился стейком, а не ее киской.

– Ты никогда не лакомишься кисками, – напомнил Ист.

И то правда. Лизать гениталии незнакомок то же самое, что облизывать общественный туалет. Я понятия не имел, в каких местах побывали их влагалища, но учитывая, что мы все учились в колледже, да и не самом хорошем, мое обоснованное предположение таково: *везде*.

– А еще ты никогда не водил никого на свидание, – гнул свое Ист и наклонился вперед, переходя в наступление. – А ужин *очень* похож на свидание.

– Я не водил ее на свидание. Я ей *помогал*.

– Забавно, не припомню, чтобы у тебя имелся комплекс Супермена.

– Один раз, в полнолуние, я раздаю милостыню. Подай на меня в суд, Браун.

– Бред собачий, Сент-Клер. Ты запал на эту девчонку, и мы оба знаем причину.

Ну все. Я стукнул кулаком по столу.

– Все сказал? Если да, то заканчивай в кои-то веки.

Мы просто поужинали. Большую половину этого времени Техас кидала молнии в мою сторону своими ледяными голубыми глазами и молча молилась, чтобы прямиком на закусочную скинули бомбу.

– Думаю, ты увлекся ею. – На лице друга сияла самодовольная улыбочка. – Скажи еще, что она тебя не заводит.

– Она меня не заводит, – не раздумывая ответил я. – Даже если бы заводила, я бы ее и пальцем не коснулся.

Техас была привлекательной, но то же самое можно сказать про восемьдесят процентов девчонок нашего универа. И к ним не шла в придачу драма, заморочки и раздутое самомнение. И еще один бонус – они со мной не работали. Мутить с девушкой, которую мне придется видеть четыре раза в неделю? Ну уж нет.

Не говоря уже о том, что она почти наверняка в постели полный отстой.

– Вот что меня беспокоит. – Ист почесал гладкий подбородок. – Не слишком ее обнадеживай, чтобы не смотреть по-

том, как она переживает. Если начнешь ее выделять, то она себе всякого нафантазирует. Ты меня понял?

Техас слишком взвинчена из-за своих шрамов, чтобы думать о сексе. Это и так понятно. Ист зря волнуется. Она – единственная девушка в универе, которую я не могу затащить в постель, и, несмотря на мою любовь к здоровой конкуренции, меня это вполне устраивало.

Вот что значит – быть на перепутье в отношении всей своей жизненной ситуации. Я потерял интерес и желание к тому, чего когда-то хотел и преследовал. У жизни больше не было вкуса, запаха и цветов.

Впереди ничего не намечалось, и удовольствие и боль сменялись полным оцепенением.

– Все под контролем. – Я вытер рот тыльной стороной руки. – Она не в моем вкусе.

– Да у тебя и нет определенного вкуса. Ты всех ненавидишь. – Ист скомкал обертку от сэндвича и кинул мне в лицо. Я поймал ее в полете. *Инстинкт убийцы.* Как следует прицелившись, я бросил бумагу в него.

– *Вот именно.*

– Сент-Клер, подожди, – пропищал за спиной тоненький голосок.

Сзади раздался топот женских ножек. Я в том же темпе продолжил идти в тренажерный зал, не став оборачиваться, чтобы увидеть, кто меня зовет. Мне еще ни разу не надирали зад на ринге, и я собирался сохранить свой непревзойденный рекорд в целости и сохранности.

Несмотря на вотум недоверия Иста и Рейна, я хорошо тренировался и мог разбить Эпплтона в пух и прах с завязанными за спиной руками.

– Ничего себе, да что с тобой? – запыхавшимся голосом спросила она.

До этого Техас ни разу не разыскивала меня в кампусе. Она не из тех, кто лип ко мне только потому, что мы вместе работали. Неожиданно нашлась девушка, которую не прельстили мой статус, боевые шрамы или вспышки гнева.

Она догнала меня и пошла рядом, засунув кулаки в карманы толстовки. Ее зимний наряд выглядел неуместно на фоне укороченных шорт и коротких юбок. На голове была уже знакомая поношенная серая кепка, а длинные светлые волосы ниспадали каскадом до поясницы.

– Ты меня игнорируешь, – прищурила она глаза.

Я не ответил, продолжая идти. Важно выделить, что мы не лучшие друзья. Вчера вечером я оказал ей услугу, но это не значит, что меня интересуют ее дела. Я готов протянуть руку помощи, если та ей понадобится, но не собираюсь я петь

«Кумбаю» у камина или покупать одинаковые браслеты Тейлор Свифт. Ист прав. Обязательно нужно дать ей понять, что меня она не интересуется, если у Техас вдруг появились какие-то планы.

– Да ты остановишься или нет? – всплеснула она руками.

– Обязательно, – резким тоном ответил я. – Когда приду в конечный пункт.

– Куда именно? Надеюсь, в ад.

– Зачем мне ад, если можно кайфовать от такой же чудесной погоды в фургоне, а вдобавок получить твою плаксивую задницу? – громко спросил я.

Кондиционер, который я принес, сильно ситуацию не исправил, но я перестал снимать во время работы футболку, потому что без нее Техас не могла на меня смотреть, а мне осточертело, что она разговаривает с моими ботинками, когда обращается с каким-то вопросом.

Мне было несвойственно вести шутливую беседу, особенно с девчонками – особенно с теми, от кого я не ждал, что они засунут в рот мой член. Однако эта девушка превратила меня в какого-то старшеклассника. Она никогда не опускалась до инфантильных едких замечаний, всегда была рада уколоть словесно, и я догадывался, что мы оба не пытались произвести друг на друга впечатление.

– Потому что ты там почетный гость, – прошипела она.

Видите? Та еще змея.

Затем мне на пустом месте под ребра вонзился острый ло-

коток, где еще не сошел синяк от боя в прошлую пятницу. Я непроизвольно остановился. Не потому, что испытал боль – хотя, черт возьми, было реально больно, – а потому как понял, что она четко осознает свои действия, и это был подлый поступок. Тем более после вчерашнего, когда я ее выручил.

Она ударила по почкам, где у меня *тоже* находился синяк, и Техас об этом знала. Затем она бросилась вперед и перегородила мне дорогу.

– Какого хрена? – безучастно осведомился я, смотря на девчонку так, словно она – мусор, который я мог бы выбросить в ведро, но из-за лени даже не поднял бы его.

Сердито глядя на меня, она поджала губы. Техас напоминала пятилетку, которая пыталась выглядеть грозно. Я уже почти возжелал, чтобы она сняла эту уродскую кепку и показала свое лицо.

Неужели там все так ужасно?

Наверное, ужасно, раз люди прозвали ее Греночкой.

Она осмотрела мой торс в футболке, затем потянулась и ударила по руке кулаком.

– Прекращай.

Ударила меня по другой руке.

Потом в живот.

Эта маленькая мерзавка пыталась со мной *подраться*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.